

МАХНОВСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА

Вячеслав Азаров

Насколько мне известно, данная работа является первой попыткой специального исследования по махновской контрразведке. Правда, в 2004 г. в журнале «В мире спецслужб» вышла статья И. Андриенко «Секретные службы махновской армии». Однако, несмотря на ее характеристику, как «научного исследования», статья больше похожа на введение в данную тему, ее популяризацию фактами, лежащими на поверхности. С другой стороны, и моя работа не смеет претендовать на всеобъемлющее освещение деятельности этого специального органа защиты 3-й

анархической революции, так как основывалась она исключительно на открытых и доступных мне источниках. Уверен, что в архивах Украины и России исследователей ждет еще множество интересных открытий в этой области.

В армиях мира «контрразведкой» обычно именуется спецслужба, функции которой сводятся к борьбе с вражеской агентурой в своих войсках и тылу. У махновцев же эта структура объединяла функции контрразведки, военной разведки, а в период марта 1919 г. – июня 1920 г. и карательные функции в рамках так называемого «черного террора» (уничтожения наиболее опасных противников анархической доктрины). В связи с последними функциями данное исследование касается и деятельности судебного органа, - Комиссии антимяхновских дел, - специально созданной для изъятия у контрразведки карательных полномочий и искоренения связанного с ними произвола.

Махновская контрразведка от своего основания весной 1919 г. подчинялась оперативному отделу штаба (штарма) Революционной Повстанческой армии Украины (махновцев), - РПАУ(м). В свою очередь, штарм курировал Военно-Революционный Совет (ВРСовета), а с лета 1920 г., - СРПУ(м), - Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев). Одним из руководителей всех этих структур был Виктор Белаш, а его воспоминания являются наиболее полными свидетельствами непосредственного участника военно-политической деятельности махновцев. Естественно, данные Белаша стали стержнем моей работы. Но и они нуждаются в правильной интерпретации.

Если у кого-либо возникает желание понять логику действий анархистов (а не по-советски искать на них компромат), он должен временно забыть о своем элитарном воспитании и пропускать их историю сквозь призму анархического мировоззрения. Прежде всего, надо понимать, что для анархиста государство – преступная организация, вреда от которой неизмеримо больше, чем пользы. Ее основным занятием является террор против гражданского населения: открытый, в виде борьбы с политическими оппонентами и скрытый, выраженный в насильственном перераспределении. Нейтрализацию «открытого террора» государства анархисты первой четверти XX в. видели во встречном «точечном» терроре против верхушки этой преступной организации, а также органов, обеспечивавших ее режим, по возможности не причиняя вреда простым гражданам, вовлеченным в деятельность государства по неведению или принуждению.

Учитывая «скрытый террор», анархисты рассматривали деньги всех государственных банков и касс, а также личные состояния капиталистов, как принудительно отнятые у народа. Соответственно, отбирать их у преступников (государства и капитала) на дело освобождения народа считалось позволительным и необходимым способом финансирования анархического движения. На этом основывались экспроприации (экссы) или эксистская деятельность. После Октябрьского переворота 1917 г. большевики объявили свою власть «народной», а все деньги – народными. Анархисты же считали, что каким бы «народным» режим комиссаров себя не называл, он так же конфискует права и богатства народа. Поменялись лишь методы государственного террора, но не его суть. Следовательно, анархисты считали, что имеют полное право изымать из «народных» касс и банков средства на обеспечение реального освобождения масс. Соввласть же рассматривала эксистскую деятельность, как уголовщину.

Безусловно, как и в прочие революционные организации, в анархическое подполье проникали уголовники, использовавшие экссы в целях личного обогащения. Такая практика, например, особенно расцвела с лета 1905 г. Наряду с «идейными» анархистскими организациями, тратившими деньги от экссов на динамит, листовки и газеты, тогда появились и «стихийные» группы, прикрывавшиеся анархическими лозунгами, но совершавшие экссы в целях наживы. Носили они и соответствующие названия: «Черная маска», «Шантажисты», «Вымогатели» и т.д. Но относительно махновской контрразведки таких доказанных случаев нет. Напротив, в показаниях М. Тямина есть случай с махновским контрразведчиком и руководителем боевой группы «анархистов подполья» П. Соболевым. Имея на руках несколько сот тысяч рублей, добытых экссами, Соболев не позволил себе потратить 1000 руб. на штаны. Как писал Тямин, «так и умер в старых, грязных солдатских штанах» .

* * *

ИСТОКИ, ОСНОВАТЕЛИ, СТРУКТУРА

Создание махновской контрразведки часто связывают с именем Льва Задова. Так, по словам анархиста-набатовца, бывшего редактора махновской газеты «Путь к свободе» И. Тепера (Гордеева), контрразведку возглавляли братья Задовы, «оба евреи, оба старые уголовники». Их услугами до революции пользовались анархисты при экспроприациях . Однако, к данным Тепера надо относиться с осторожностью: кающиеся анархисты грешили и не таким. В реальности же, с 1910 г. рабочий-металлург Задов – анархист-террорист, «безмотивник», член Юзовской (Донецкой) группы анархо-коммунистов. Он действительно участвовал в экспроприациях: артельщика на шахте, почты в с. Карань, кассира в Дебальцево . Если Тепер об этом, то Задов такой же уголовник, как и Сталин. В 1913 г. Юзовская группа была разгромлена, и Задов попал в тюрьму, откуда вышел уже после Февральской революции 1917 г. с псевдонимом Зиньковский. Под этой фамилией он и был известен в махновщине.

Именно в эксистской, а так же террористической деятельности анархических групп, начала XX в. можно видеть истоки махновской контрразведки. Добыча финансов для анархической работы путем налетов на банки или экссов у крупной буржуазии естественно несет в себе элементы разведки. Оценка состоятельности банка или заводской конторы, выяснение графика подвоза денег, плана внутренних помещений, количества охраны и т.д. требовали проведения серьезных разведывательных мероприятий. Аналогичные действия по оценке капитала, выяснению мест сбережения ценностей, количества прислуги проводились анархистами, если планировался налет на дом буржуа. Элементами разведки в подготовке терактов было выяснение распорядка дня объекта, планов мест, им посещаемых, количества охраны, удобных путей отхода. В обоих случаях могла применяться и вербовка информаторов.

Революция 1905 – 1907 гг. характеризовалась невиданным всплеском политического и экономического терроризма. По данным Савченко, за эти годы было убито и ранено 4,5 тыс. чиновников. А в январе 1908 г. – мае 1910 г. совершено 19957 терактов и эксков. Многие из них сопровождалось разведывательными действиями. Большую часть этих акций можно отнести к анархической практике, которая в тот период основывалась на воззрениях, что именно террор против представителей государства и имущих классов является наиболее эффективным способом свержения власти и капитала. Можно быть уверенным, что анархисты, выжившие в горниле террора 1905 – 1910 гг. и последующей реакции, стали вполне профессиональными разведчиками. Их качества были тем более востребованы махновской контрразведкой, что по данным Белаша, одним из направлений ее работы в тылу врага была эксистская и террористическая деятельность.

Что касается будущего махновского Вольного района, несомненно, что некую разведку проводил уже «Союз бедных хлеборобов», в котором участвовал юный Махно, когда в 1908 г. эта группа готовила эксы в Екатеринославе, Александровске, Ногайске. Первым упоминаемым Белашом случаем анархической разведки в Гуляйполе стала работа 17-летней М. Продан, которая в 1909 г. по заданию оставшихся на свободе членов «Союза бедных хлеборобов» В. Антони и А. Семенюты собирала данные о передвижениях пристава Караченцева. Пристав, как виновник разгрома группы, был приговорен ими к казни. Разведчица доложила, когда Караченцев будет в театре «Колизей», на выходе из которого он и был застрелен Семенютой. Так что к Гражданской войне боевое крыло анархического движения имело серьезный разведывательный опыт. В частности, его носителями были такие члены «первого призыва» махновской контрразведки, как К. Ковалевич, П. Соболев, Я. Глазгон.

Как указано выше, этим же опытом обладал и Зиньковский. И вообще, Тепер писал о старых экспроприаторских традициях в махновщине. В сентябре 1917 г. – апреле 1918 г. Зиньковский был депутатом Юзовского Совета, после – член штаба Красной гвардии Юзово-Макеевского района. Отряд Зиньковского сражался с австро-германскими войсками, отступая через Луганск на Царицин, затем с казаками ген. Краснова. Зиньковский дослужился до начальника штаба боевого участка в бригаде Кругляка, а летом 1918 г. – он начштаба отряда Черняка под Царициным. Осенью 1918 г. он уже был направлен штабом Южфронта на Украину, для ведения подпольной работы в немецком тылу. Но по пути Зиньковский заехал в Юзовку, где создал с братом Даниилом и 8 анархистами свою боевую группу. С ней он и направился в Гуляйполе к Махно. У Махно в ноябре 1918 г. Зиньковский начал с формирования отрядов в селах Юзовского, Гришинского и Мариупольского районов, позднее был избран помощником комполка.

Уже в марте 1919 г. бывший командир Зиньковского Черняк организовал спецгруппу, занимавшуюся контрибуциями и реквизициями в городах, которые освобождала махновская 3-я бригада Заднепровской дивизии РККА. Позже такая работа стала частью задач гражданского отдела махновской контрразведки. Поэтому спецгруппу Черняка можно считать ее предтечей. Тем более что у Черняка был опыт в этом деле. По Кубанину, он еще в начале 1918 г. организовывал контрразведку при одном из штабов юго-восточного фронта. И это была первая анархистская контрразведка. Позже на основе своей «группы по контрибуции» Черняк предложил Махно создать контрразведку махновской бригады. В ее первый состав вошли прибывшие с Черняком Я. Глазгон и Х. Цинципер, а также Зиньковский и его брат Д. Задов. Примечательно, что сам основатель контрразведки Махно до сих пор является одной из ее загадок.

Белаш часто путает Черняка и Чередняка. Например, называет первого начальником контрразведки и формирования в Бердянске, а чуть ниже начальником формирования в том

же городе значится уже Чередняк . Эту же фамилию основатель контрразведки носит и в справке Белаша , хотя по тексту, касающемуся контрразведки весной 1919 г. он везде именно Черняк. У Белаша фигурируют, как минимум два Черняка и два Чередняка. Первые, – анархист-литератор из Иваново-Вознесенска и некий «анархист от красноармейцев» . Вторые, – начальник контрразведки и повстанческий командир из Харьковской губернии. В июне 1919 г. во главе одной из групп отряда Никифоровой, набранного из контрразведчиков и бойцов отрядов Шубы и Чередняка, в Сибирь отбывает именно Черняк . Сам же Чередняк там не фигурирует вовсе. Понятно, что этим «Черняком» не мог быть ни литератор, ни красноармеец, а был тот самый начальник Бердянской контрразведки, который весной 1919 г. фигурирует именно как Черняк.

Далее по тексту Белаша, этот Черняк из отряда Никифоровой в махновщину больше не возвращался. Но, по сводке Донецкой губЧК за 13 февраля 1921 г. начальником махновской контрразведки значится Черняк . Путаницу с Черняком и Чередняком пытается снять Дубовик в именном указателе к Волину. М. Чередняков там фигурирует весной 1919 г. как начальник Бердянской контрразведки и начальник формирований бригады. А ниже есть справка по А. Черняку, который с марта 1919 г. был назначен опять же начальником отдела формирования и начальником контрразведки уже всей бригады Махно. Этот Черняк якобы и был в составе спецотряда Никифоровой и ушел с группой в Сибирь . Так что по указателю выходит, что в контрразведке работали оба Черняка-Чередняка. Против этой версии есть один серьезный аргумент: ни у одного из авторов воспоминаний о махновщине нет случая, чтобы два этих крупных контрразведчика когда-либо встречались. Короче говоря, основатель махновской секретной службы, как настоящий контрразведчик, пока не открыл свою тайну исследователям.

В апреле 1919 г. Мариуполе и Бердянске Черняком и Зиньковским были сформированы отдельные «гражданские отделы» контрразведки, в основном занимавшиеся снабжением армии. Такой вид снабжения, как экспроприации и контрибуции или, что называлось «на подножном корму», широко использовался с 1917 г. красногвардейскими и чернoгвардейскими (анархическими) отрядами. С началом переформирования Красной гвардии в РККА эту практику в Центральной России пресекли. Но в Украине она сохранялась дольше. Например, таким самоснабжением в захваченной Одессе занималась 2-я бригада Заднепровской дивизии под началом Григорьева в апреле 1919 г. Вероятно, тем же способом снабжалась и 1-я бригада во главе с самим начдивом Заднепровской П. Дыбенко. Аналогичное снабжение практиковалось и в дивизии Щорса.

Для махновцев же такая практика оставалась еще более актуальной. Так, по докладу от 21 марта начальника контрразведки бригады А. Голика, красное командование начало удушение повстанцев через прекращение их снабжения . Естественно к делу снабжения были подключены и специалисты экспроприации, - прибывшие в махновщину боевики из России. Нельзя исключать, что они были даже специально приглашены, «выписаны» Махно для этой специфической работы. Их специализацию косвенно подтверждают упоминавшиеся показания А. Тямина, что известный анархист В. Бжостек с апреля 1919 г. искал в Харькове, а после в Гуляйполе боевика Соболева и прочую «надежную публику» на взятие в Москве в некоем учреждении 40 млн. руб. А с 6 мая Соболев уже работал в махновской контрразведке.

Костяк контрразведки формировался из двух основных групп: этих самых приезжих «специалистов» по эксам и террору и доверенных лиц самого Махно. Среди последних можно назвать И. Лютого, Г. Василевского и А. Лепетченко. Причем, Василевский и Лепетченко были анархистами-террористами Гуляйпольской группы анархистов, то есть разбирались в вопросах разведки. Лютый же вообще был телохранителем Махно. По воспоминаниям батьки, приставленным к нему с самого зарождения махновской организации

. Около 19 апреля 1919 г. в Волновахе Махно приказал им арестовать всех полковых комиссаров, навязанных махновской бригаде большевиками . Позднее Махно направил всех троих на усиление Мариупольской контрразведки, начальником которой в то время был Зиньковский. К представителям же первой группы можно отнести прибывших 6 мая туда же на усиление так называемых «анархо-чернорабочих» П. Соболева, М. Гречанника, Я. Глазгона и К. Ковалевича . По Кубанину же Глазгон появился в махновщине раньше, вместе с Черняком и стоял у истоков контрразведки.

В первый период деятельности контрразведки весны 1919 г. ее структура представляется следующей. Основное ядро находилось при штабе бригады, а при занятии крупных городов, как Бердянск и Мариуполь, в них организовывались отдельные подразделения контрразведки, известные в основном гражданской деятельностью, - снабжением бригады через экспроприации и контрибуции, но также выявлением бывших пособников белых и их агентуры. Летом 1919 г., в период отступления махновской армии на запад, функции контрразведки исполняло ближайшее окружение батьки, его охранники и адъютанты, которые во время реорганизации РПАУ(м) в сентябре того же года, возглавили личную контрразведку и охрану Махно, известную как «черная (чертова, батькина) сотня».

Судя по собранным мною данным, деятельность контрразведки носила централизованный характер только в походном порядке и только в случаях относительно небольших махновских соединений, ядра Повстармии, каковыми были 3-я бригада Заднепровской дивизии весной 1919 г. или Особая группа войск СРПУ(м) в 1920 г. И, напротив, в пик движения осени 1919 г. организация контрразведки носила сетевой характер и распространялась на зону ответственности каждого из 4-х корпусов. Например, Голик именуется Белашом то начальником контрразведки всей армии , то лишь ее 2-го корпуса . Судя по характеру махновской армии и ее нелюбви к бюрократической волоките, не думаю, что данные факты свидетельствуют о переназначениях. Тем более, что временной интервал упоминаний от сразу после 11 ноября до сразу после 2 декабря 1919 г.

В доступных мне источниках нигде не упоминается о каком-либо центральном органе контрразведки того периода, которому подчинялись бы секретные службы корпусов.

Известно, что в упомянутый период начальником контрразведки 1-го Донецкого корпуса, расквартированного в Александровске, был Зиньковский . А контрразведку 2-го Азовского корпуса, базировавшуюся в Никополе, возглавлял Голик . Кто возглавлял контрразведку 3-го Екатеринославского и 4-го Крымского корпусов, пока установить не удалось. Они имели задачи, сильно отличные от задач первых корпусов. Не исключаю, что деятельность контрразведок двух первых корпусов распространялась на два смежных с ними. Хотя это входит в противоречие с данными о том, что свои контрразведки существовали у более мелких войсковых единиц. Что показано на примере Вольно-Казачьей повстанческой группы Екатеринославщины . Наличие своих контрразведок в каждой махновской части подтверждает и Кубанин . При подобной сетевой системе каждая из контрразведок корпуса или группы должна была напрямую подчиняться оперативному отделу штабс-арма.

* * *

ПЕРВЫЙ ПРИЗЫВ

Партизанский отряд, чьи главные преимущества – внезапность нападения и неуловимость для преследователей, естественно, должен опираться на отличную разведку. Поэтому своя разведка была в махновском отряде уже в период борьбы с австро-германскими оккупантами. Разведку у Махно начинали бывшие солдаты-пограничники , более других ветеранов

знакомые с этим делом. Разведка обеспечила успех известного боя за Большую Михайловку в сентябре 1918 г., после которого Махно был объявлен «батькой». Победа остатков разбитого махновского отряда над превосходящими силами противника стала возможной лишь в результате выяснения их расположения по селу. Махно вспоминал, как по пути движения разведка отряда «осматривала каждый кустик, каждую горку, каждую балочку и этим предохраняла весь отряд от засад и внезапных нападений со стороны врагов». Аналогично и задуманная весной 1919 г. контрразведка должна была беречь махновскую общественно-политическую организацию.

Первые известия о контрразведке махновцев появляются в марте 1919 г. В начале февраля 1919 г. Повстармия Махно заключила договор с подошедшей с севера Группой советских войск (позднее, - Заднепровской дивизией) П. Дыбенко. Договор был для махновцев вынужденным, вызванным острым дефицитом оружия и боеприпасов и невозможностью из-за этого противостоять наступлению белых. В обмен на вооружение Повстармия вошла в оперативное подчинение красных и получила название 3-я Заднепровская бригада РККА. После взятия махновской бригадой 15 марта Бердянска Черняк был назначен штабом бригады начальником формирований и контрразведки города. Ее первой задачей было выявление находившихся в городе гуляйпольцев, ранее служивших агентами у австро-германских оккупантов и белогвардейцев, выдававших им повстанцев. Кроме того, контрразведки Бердянска и Мариуполя реквизировали одежду для махновских полков, а также изымали продукты из проходящих составов для довольствия бригады.

Бесспорно, в то время уже существовала и чисто военная контрразведка при штабе бригады, которую, вероятно, с самого начала возглавил Лев Голик. О нем мало что известно. По справке Белаша, токарь Голик был до 1917 г. анархистом-террористом, то есть обладал для контрразведки подходящими навыками. Когда во второй половине марта Махно вызывали в штаб дивизии в Екатеринослав, разведчики Голика докладывали о пристальном наблюдении красного командования за повстанцами и недовольстве их растущим авторитетом. А, когда, поостерегшись ехать в Екатеринослав, Махно договорился встретиться с комдивом Дыбенко в Бердянске, разведка сообщила о готовящемся покушении на батьку, которое может совершить охрана Дыбенко.

Тогда же в марте 1919 г. Черняк докладывал Махно, что в Бердянске рядом с его контрразведкой расположился горотдел ЧК, который всячески вредил работе махновской спецслужбы: мешал формированию, арестовывал контрразведчиков. Судя по докладу, Черняк был настроен решительно, единственно, жалел ставших чекистами бывших повстанцев из оперативного отдела. Из разговора Махно с одним из комиссаров выходит, что по соглашению между РККА и Повстармией, в районе анархо-коммунистического эксперимента махновщины (в махновском Вольном районе) репрессивные структуры красных типа ЧК или продорганов распускались. Комиссар возражал, что, мол, рабочие сами организовали ЧК для защиты от махновских партизан. Тем не менее, Махно без колебаний приказал Черняку разогнать Бердянскую ЧК.

По согласованию со штабом 2-й армии РККА, 16 мая 1919 г. махновский ВРСовет объявил о переформировании своей бригады в 1-ю Повстанческую дивизию. В то же время конфликт Махно с красным командованием перерос в открытые репрессии против махновцев. Чтобы исключить причину гонений и в то же время не оголить фронт, Махно снял с себя обязанности комдива и с отрядом в 300 конницы и 500 пехоты ушел к Александровску. Но машина репрессий была запущена, Ворошилов арестовал штаб Повстанческой дивизии, который позднее был расстрелян. Естественно, распалась и ее контрразведка. Она тем более имела основания опасаться репрессий красных, что непосредственно осуществляла чистку махновской бригады от комиссаров РККА. Часть местных сотрудников – гуляйпольцев,

скорей всего, сразу ушла с батькой.

И, напротив, приезжие «специалисты», те самые профессиональные террористы и эксисты влилась во вновь организованный отряд М. Никифоровой, числом в 60 боевиков. Отряд ставил перед собой задачу точечными ударами по ставкам белых армий прекратить Гражданскую войну. Для этого одна группа в 20 чел. во главе с Никифоровой отправилась на Ростов для взрыва ставки Деникина. Вторая, - 15 чел. под началом Черняка и Громова, - в Сибирь для ликвидации ставки Колчака. Третья же группа 25 чел. во главе с Ковалевичем, Соболевым и Глазгоном выехала в Харьков для освобождения штаба махновской дивизии, а, в случае неудачи, - взрыва Чрезвычайного трибунала . 15 июня на ст. Большой Токмак Никифорова находит Махно и выбивает у него деньги на свои операции. По Белашу, батька был против этой затеи, сначала отказал, в результате чего они с Никифоровой «чуть не пострелялись», но в итоге Махно выдал отряду 250 тыс. руб.

Первые две группы не добрались до своих целей. Никифорову 29 июля 1919 г. схватила в Севастополе деникинская контрразведка . 3 сентября она была осуждена и вскоре расстреляна (по другим данным, - повешена). Ее группа ушла на Кубань, и влилось в движение «зеленых». Группа Черняка-Громова пробралась за Урал и участвовала в повстанческом движении против Колчака. В первых числах декабря 1919 г. в Шиткинском партизанском районе был ликвидирован эсерово-анархистский заговор против большевистского штаба во главе с неким Громовым . Возможно, это и был наш контрразведчик. Руководители мятежа были казнены. На момент прибытия группы Ковалевича в Харьков махновский штаб был уже расстрелян. Контрразведчики сначала планировали в отместку ликвидировать руководство Украинской советской республики. Но потом постановили перенести операции возмездия в Центральную Россию.

Совместно с группой левых эсеров Д. Черепанова они создали в Москве крупнейшую анархическую подпольную организацию «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан – анархистов подполья» с филиалами в десятке городов России, Украины и даже в Латвии. Московская организация «анархистов подполья» (условно, - МОАП) занималась пропагандой (листовки, газеты), экзами (добычей средств на дело печати, закупки взрывчатки и оружия) и терактами против большевистских лидеров, крупнейший из которых, - взрыв Московского комитета РКП(б) 25 сентября 1919 г. На заседании должны были присутствовать Ленин, Бухарин, Каменев и другие вожди большевиков. Спасло вождей лишь то, что они опоздали к началу.

МОАП раскинула широкую агентурную сеть. В частности руководитель боевой группы Соболев имел связи в ВЧК и Кремле . Вероятно, его группа готовила теракт против чекистов. Так некая служащая ВЧК Бармаш передала анархистам адрес общежития, где обитал десяток секретных сотрудников МЧК и ВЧК . При всей конспиративности МОАП (построение по принципу «семерок»), другая служащая ВЧК некая Катя была посвящена во все дела организации, что могло иметь место только при участии чекистов в ее работе. Так же планировался взрыв Кремля со всем Советским правительством. По расчетам Соболева на это надо было 60 пудов пироксилина, взрыв откладывался до его накопления . Взрыв Совнаркома планировался на 2-ю годовщину Октября. Взрывчатку возили из Брянска, Тулы и Нижнего Новгорода, ее склад находился в Одинцово. Кроме того, на даче в Красково находилась подпольная лаборатория бомб.

Но уже в конце октября чекисты установили, что в бывшей квартире Никифоровой находится явка нелегальных анархистов. Там была оставлена засада, в которую попал Ковалевич. Смертельно раненным он был доставлен в МЧК, где и умер . Затем на квартире члена МОАП Восходова в засаду попали другие члены организации, у которых обнаружили списки

подполья. Как свидетельствует отчет МЧК, «По этим данным были произведены аресты боевиков, причем почти ни один из них не сдавался без сопротивления». На другой явке в засаду попали Цинципер и еще 10 подпольщиков. Позднее туда же пришел и в бою погиб Соболев. Брошенная им бомба случайно попала в портфель комиссара, который ее там зажал, а другой рукой застрелил лидера МОАП. Наконец, в засаду на явке на Рязанском шоссе попали еще 7 анархистов.

Последним очагом сопротивления московских «анархистов подполья» стала дача в Красково, где располагались типография и лаборатория бомб. 5 ноября 1919 г. дачу окружил отряд в 30 чекистов во главе с Манцевым и Мартыновым. Два с половиной часа длился ближний бой, практически вплотную, на расстоянии 10-30 шагов. После чего подпольщики взорвали себя. В дальнейшем для ликвидации филиалов анархического подполья в других городах России была создана «Особая ударная группа ВЧК по борьбе с бандитизмом». Группа преследовала «анархистов подполья» и в Украине. Так в Харькове ею был арестован и позднее расстрелян член МОАП, латышский анархист К. Капустин.

Актуальным для данной работы является вопрос: рассматривать ли Всероссийский комитет «анархистов подполья», как отдельную самостоятельную организацию или как спецоперацию (подразделение) махновской контрразведки? В пользу первого варианта говорит широта охвата Комитета, ячейки которого были в Брянске, Туле, Иваново-Вознесенске, Самаре, Уфе и др. Контрразведка своих агентов туда не посылала. Но что касается МОАП, то основное ядро ее состояло из контрразведчиков. А именно: Соболев, Ковалевич, Глазгон, Гречаников, Цинципер. Причем, по Кубанину, Глазгон и Цинципер приехали в махновщину вместе с Черняком и имели до того большой стаж в области контрразведки. Опять же, вопрос о принадлежности МОАП не стоял перед историками СССР. Начиная с Яковлева (1921 г.), по которому боевые группы «анархистов подполья» по городам России рассылал именно махновский РВС. И с Бычкова (1934 г.), писавшего о создании МОАП на основе союза левых эсеров с анархистами-махновцами.

Возможно, такая мотивировка просто была удобна Соввласти для обоснования репрессий против махновщины? Нет. В пользу спецоперации контрразведки РПАУ(м) говорят листовки и показания самих московских «анархистов подполья». Так по «Извещению» МОАП, взрыв МК РКП(б) был мстью за расстрел в Харькове членов штаба Махно. Белаш прямо пишет, что МОАП была создана махновскими контрразведчиками. Уже в ходе ликвидации МОАП чекистами, Глазгон планировал уехать к Махно за новыми силами. Наконец, анархист Барановский в своих показаниях предполагал, что «в дальнейшем, после разгрома Деникина, было бы достигнуто соглашение между Махно и большевиками и необходимость террористической борьбы против большевиков с нашей стороны вообще отпала бы». Другими словами, Барановский напрямую связывал прекращение борьбы «анархистов подполья» с советско-махновским соглашением, что могло делать только подразделение махновской армии.

Эту версию подтверждает и хронология событий осени 1919 г. МК взорвали 25 сентября. На тот момент большевики бежали из Украины, что стало прямым результатом чистки Троцким махновщины и вызванного этим развала фронта. Повстанческая армия была оттеснена деникинцами аж под Умань и не скрывала своей ненависти к большевикам. Ее накал показывает эпизод у Герасименко, когда мимо петлюровской линии фронта бежали на север красные обозы, а махновцы делали наскоки, «производя колоссальные разгромы колонн большевиков». Затем последовал прорыв РПАУ(м), разгром ею деникинского тыла и создание махновцами своей федерации Вольных Советов. В этот период МОАП не совершала терактов, а подготовка их к годовщине Октября находилась лишь в состоянии дискуссии. Вести с Украины все же долетали до Москвы. А, значит, и члены МОАП могли знать об успехах махновцев и занять

выжидательную позицию. Наконец, согласно показаниям Барановского, взрывчатка завозилась в Москву про запас, на случай, если бы большевики снова вернулись к своей прежней тактике относительно повстанцев и Махно. Показания датированы серединой ноября 1919 г., то есть в пик существования махновской федерации. Если верить Барановскому, московские «анархисты подполья» могли ждать развязки: встречи РПАУ(м) с РККА, преследовавшей деникинцев. Соответственно, не будь МОАП уничтожена до декабря 1919 г., когда красные начали предательские удары в спину Повстармии, можно было ожидать от контрразведчиков-«анархистов подполья» и взрыва Кремля и теракта в общежитии сексотов ВЧК и МЧК и многого другого.

Пока МОАП экзами добывала средства на дело подполья, в конце августа 1919 г. в районе Нового Буга и Помошной махновская контрразведка сыграла определенную роль в перевороте в 58-й дивизии РККА, в результате которого ее части присоединились к повстанцам. По данным Волковинского, отряд Махно поддерживал тайные контакты с полками бывших махновских командиров Калашникова, Дерменжи, Буданова, составлявшими основу этой дивизии. Судя по последующей практике общения штаба махновцев с колеблющимися красными частями, такие контакты осуществляла агентура контрразведки. После этого, отступавшая под натиском деникинцев махновская армия в начале сентября 1919 г. в Добровеличковском районе начала свою реорганизацию, приспособление к условиям маневренной партизанской войны. 1 сентября было созвано общearмейское собрание для перевыборов политической организации махновщины, был избран новый состав ВРСовета.

На этом собрании армия и получила свое наиболее известное название РПАУ(м). Тогда же, кроме подразделений и служб штаба армии, Махно организовал свою отдельную «охрану» и контрразведку из 500 всадников при 10 пулеметах. По Теперу, «черная сотня» набиралась из наиболее испытанных повстанцев, и возглавляла ее Гаврюша Троян. По Белашу, эта сотня во главе с батькой увлекалась карательной политикой, которая в первую очередь касалась очистки аппарата управления армией от большевиков. Население, бойцы и даже командиры побаивались этой сотни. А один из главных батькиных контрразведчиков, Василевский с 1918 по 1920 гг. был членом террористического отряда. То есть занимался в военной контрразведке террористической деятельностью в тылу врага.

Хоть основными объектами контрразведки были Добровольческая армия и РККА, в июле-сентябре 1919 г. ее агентура работала и в петлюровской армии УНР. Особенно в период контакта махновцев с армией УНР или с повстанческими отрядами, с нею связанными. В частности, как минимум, один из контрразведчиков – Василевский – участвовал 25 июня 1919 г. в совместном заседании махновских и григорьевских командиров, которое дало начало соединению отрядов двух атаманов. По Тимощуку, перед встречей Махно с Григорьевым, махновская разведка исследовала Херсонский и Николаевский уезды, где орудовали григорьевцы. Она выясняла количество григорьевских войск и настроения крестьянства. А уже 27 июля контрразведчики Лепетченко и Лютый участвовали в ликвидации атамана Григорьева, обвиненного в погромах и переговорах с деникинцами. По версии Тепера, Григорьева убил Зиньковский и сам рассказывал ему об этом.

По мере приближения отступающих махновцев к петлюровским позициям, начался обмен делегациями на предмет заключения военного соглашения между Повстармией и армией УНР. Но параллельно Петлюра вел переговоры и с деникинскими генералами, надеялся, что Махно и Деникин обескровят друг друга и, таким образом, сами сделают его хозяином Украины. Махновский штаб подозревал командование армии УНР в сношениях с Деникиным. Махно даже получил донесение агентов контрразведки, что на ст. Христиновка идут переговоры петлюровцев с деникинцами. По версии Чопа, переодетый батька сам

наведался в штаб 1-й бригады Украинской Галицкой армии и застал там деникинского полковника, с которым полез в драку.

Чоп допускает так же сговор Шуся, Шпоты и Кузьменко по смещению батьки и включению всей Повстармии в состав петлюровской армии УНР . Эта версия перекликается со свидетельством Тепера, что в период отступления лета 1919 г. на смену культурно-просветительской группе анархистов-набатовцев, временно покинувшей махновское движение, пришла национально-шовинистическая группа украинской интеллигенции. Она привлекла на свою сторону жену батьки Галину Кузьменко, которая после этого исповедовала национализм до 1922 г. И эта националистическая культурная группа была внедрена в махновщину непосредственно петлюровской ставкой. Причем, именно с присутствием этой группы среди повстанцев Тепер связывает временный всплеск антисемитизма в махновщине .

После этих свидетельств, контрразведке был отдан приказ готовить покушение на Петлюру, что уже не выглядит какой-то изменой недавно подписанного соглашения РПАУ(м) и армии УНР. Соглашение это было заключено со стороны махновцев Волиным и Чубенко, от петлюровцев, - Петлюрой и Тютюнником 20 сентября 1919 г. на ст. Жмеринка. Сразу после подписания махновский культпросвет стал выпускать антипетлюровские листовки и начал работу по разложению низов армии УНР с целью присоединения ее частей к махновцам. А махновская контрразведка стала готовить покушение на главного атамана, чтобы «террористическим актом покончить с ним все счеты, как с Григорьевым». Для этого в Умань, где была назначена встреча Петлюры с Махно, выдвинулись группа террористов контрразведки и кавбригада поддержки, вероятно, для подавления петлюровского гарнизона.

Однако Петлюра, видимо наученный примером Григорьева, отбыл в штабном поезде, не дождавшись встречи с батькой . По данным же Телицина, в Умань прибыла неизвестная группа террористов. И кому она принадлежала, не знала даже петлюровская контрразведка. Но появление в городе террористов не осталось для нее незамеченным. За несколько часов до назначенной акции против Петлюры, дом, где засели террористы, окружили войска УНР с пушками. В результате двухчасового боя, кроме нескольких вырвавшихся из дома, все боевики были уничтожены. Весть об этом бое заставила и Махно, и Петлюру ретироваться в исходные пункты . Позже, уже в пик могущества Повстармии осени 1919 г. к ней начали примыкать отряды петлюровских атаманов Матяжа, Мелашко, Гладченко, Огия и др., которые объявили себя анархистами и врагами петлюровщины. По Белашу, их чистосердечность, лояльность и реальные планы должна была выяснить агентура контрразведки . Причем, если учесть, что атаманы переходили к Махно вместе со своими частями, можно сделать вывод, что агентура по надзору за атаманами вербовалась среди рядовых петлюровцев. Командиры петлюровцев, доказавшие лояльность РПАУ(м) возглавили полки Вольно-казачьей повстанческой группы Екатеринославщины. И напротив, Матяж и Левченко были вынесены смертные приговоры. Тепер связывает эти приговоры с усилением погромной агитации и антисемитизма после присоединения их отрядов к Повстармии .

* * *

ГРАЖДАНСКИЙ ОТДЕЛ

В октябре 1919 г. тылы наступавшей на Москву Добровольческой армии Деникина были разгромлены махновскими корпусами. Повстанцы освободили огромный район от Екатеринослава и Николая до Мелитополя и Бердянска. Началось обустройство новой жизни. 20 октября 1919 г. в Александровске открылся 4-й районный съезд. На съезде был

оглашен проект «Декларации РПАУ(м) о Вольных Советах», в пункте которой об организации судебного процесса говорилось: «Истинное правосудие должно быть организованным, но живым, свободным творческим актом общезнания. Самооборона населения должна быть делом свободной, живой самоорганизации. Поэтому всякие омертвевшие формы правосудия, судебные учреждения, революционные трибуналы, уложения о наказаниях, полицейские или милицйские институты, чрезвычайки, тюрьмы... – все это должно отпасть само собою...» .

С одной стороны, понятен протест анархистов-махновцев против карательных органов государства. С другой, - такая постановка вопроса ведет к диктатуре эмоционального порыва, произволу первого гнева и открывает широкие возможности для манипуляций живым коллективом «народного правосудия», то есть ведет к суду Линча. А, кроме того, позволяет расцвести всякого рода злоупотреблениям на почве «праведной борьбы с эксплуататорскими классами». Именно такие прецеденты всячески обыгрывала большевистская пропаганда, говоря о произволе и беззаконии анархистов на примере карательной деятельности махновской контрразведки. В этой пропаганде упражнялись сами большевики, участники столкновений с махновцами, им помогали деникинцы и раскаявшиеся анархисты. Естественно, в отзывах красных чаще всего встречаются характеристики того же Зиньковского, который для большевиков персонифицировал всю махновскую контрразведку.

Например, Ф. Левензон, командир 133-й кавбригады, столкнувшейся с махновцами в Александровске: «ко мне на квартиру прибыл... начальник контрразведки, палач, бывший уголовный преступник - Левка» . По Теперу, для контрразведки Махно убийства и пытки стали особым видом спорта. Контрразведчики сделали из них «прибыльную статью своего доходного бюджета» . Он же заявлял, что в области карательной политики контрразведкой руководил левый эсер Попов, изыскивавший различные методы пыток и убийств. Тот якобы дал клятву зарубить 300 коммунистов, но на момент знакомства с Тепером, успел лишь 190 . Тепер же писал о татарине Алимe, исполнявшем при Махно роль палача . Ему вторил и бывший белогвардеец Герасименко, писавший о личном палаче батьки, некоем слесаре Кийко, который замучивал офицеров .

А заведующий приютами Екатеринослава Гутман писал, что в махновской контрразведке не проходило дня без расстрелов, тела казненных бросали в Днепр. И якобы «десятки трупов торчали из воды, прибитые волнами к берегу» . Разумеется, такие обвинения делают гражданский отдел контрразведки главным позором махновского движения. А, значит, его деятельность требует самого тщательного расследования. Легче всего опровергнуть ложь о Задове. В материалах дел Зиньковского в ГПУ 1924 г. и НКВД 1937 г. нет ни слова о зверствах и пытках, приписываемых ему . Причем, в первом случае, когда были живы тысячи свидетелей махновщины, а группа Зиньковского добровольно сдалась Соввласти, чекисты провели скрупулезное расследование. А в период «великого террора» 1937-1938 гг., на «врагов народа» вообще всех собак вешали, если была хоть малейшая зацепка. Но ее не было. Такие свидетельства не обнаружены и до сих пор.

Да, Белаш прямо пишет о гражданском отделе контрразведки . Однако, отсутствие конкретизации этой структуры говорит в пользу того, что речь шла лишь о гражданской функции, обязанностях контрразведки в тылу. Например, контрразведки 1-го корпуса в Александровске и 2-го корпуса в Николаеве, а больше, - личной контрразведки Махно из его «черной сотни». Гражданский отдел был наделен карательными функциями по борьбе с вражеской агентурой, а так же по выявлению «антимахновских» элементов в Повстармии. Последнее направление обеспечивалось хоть и неопытной, но разветвленной агентурой в махновских частях до уровня отделения. Кроме командира и его помощника-практиканта, секретным сотрудником контрразведки был каждый десятый повстанец.

Гражданский отдел также имел множество агентуры среди гражданского населения. Это были добровольные помощники, бесплатно сообщавшие контрразведке об антимахновских действиях. Такая плотность агентуры способствовала тому, что «политические заговоры на восстание разоблачались в своем большинстве прежде, чем они созревали». По работе в тылу гражданский отдел поддерживала и военная контрразведка, деятельность которой здесь сводилась в основном к выявлению скрывающихся белогвардейцев. Контрразведка расстреливала всех, кто имел отношение к карательным или следственным органам деникинщины: офицеров, жандармов, тюремных надзирателей, контрразведчиков, провокаторов. Их пособников было немало среди различных служащих и буржуазии. Карательными действиями контрразведки руководил непосредственно Махно.

Однако даже эти репрессии нельзя называть произволом. Все приговоры рассматривались, как классовый черный террор и проходили через секретариат «Набата», Гуляйпольский союз анархистов или ВРСовет. По Гутману, грабежи производились под предлогом поисков спрятанного оружия. А основным видом грабежа, засвидетельствованным касательно контрразведки, было ограбление квартир истребляемых махновцами деникинских офицеров. Это якобы производилось с ведома самого Махно. Но, разумеется, Махно не давал санкции на грабеж, это было самоуправство контрразведчиков. В Екатеринославе таких случаев было много, так как, по словам секретаря местного губревкома КП(б)У В. Мирошевского, во время оставления белыми города многие деникинцы побросали оружие и разбрелись по домам.

Но, думаю, не расправы над деникинцами волновали рабочие массы и обывателей. Как и весной 1919 г., пополнение махновской казны шло путем экспроприаций и контрибуций. В первую очередь были экспропрированы всевозможные банки, казначейства и кредитные общества. В Мариуполе, Юзово, Бердянске, Мелитополе, Генической, Александровске, Алешках, Ново-Воронцовке, Кривом Рогу, Новом Буге и Екатеринославе экспроприации проводились официальным путем. То есть в форме законной конфискации. Но по Белашу, практиковалась и «агрессивная система контрибуций», которая налагалась на отдельных помещиков, финансистов, промышленников, домовладельцев. Именно эта система давала широчайшие возможности для злоупотреблений. Тем не менее, истощенная войной буржуазия не могла дать желаемого. Так, по отчету Екатеринославского губкома, в Александровске наложена контрибуция на сумму в 50 млн., получено – 10 млн.; в Екатеринославе, - 50 и 7 соответственно; в Бердянске, - 25 и 15; в Николаеве 15 и 8.

Кроме того, махновцы реквизировали все ломбарды, которые деникинцы не трогали и в которых горожане прятали свою одежду и драгоценности. Наконец, с наступлением холодов начался сбор обмундирования для совершенно раздетых повстанцев. Как пишет Р. Курган, «У обывателей была отобрана буквально вся одежда». За махновцами даже закрепилась кличка «шубники». Но Курган же замечает, что такие грабежи в сравнении с разбоем деникинцев жестокими не казались. Ему вторит Гутман: «Такого повального грабежа, как при добровольцах, при Махно не было» и режим анархистов был более упорядочен, чем власть деникинцев. Не оправдывая махновцев, замечу, что снабжение армии было катастрофическим, и они добывали себе вещи даже с риском для жизни. Например, раздевали убитого неприятеля прямо во время боя, под огнем противника.

Опять же, конфискованные контрразведкой деньги шли не только на обеспечение армии. Например, в Екатеринославе «махновский собес» производил широкие раздачи денег в виде материальной помощи беднейшим слоям населения. До самого оставления города Повстармией каждый день с утра у штаба выстраивались тысячные очереди. Отдельно махновцами была оказана помощь детским приютам города продуктами и деньгами на общую сумму около 1 млн. руб. Наконец, все свидетельства произвола махновской

контрразведки касаются исключительно городов: Бердянска, Екатеринослава, Александровска, Никополя. Неизвестны случаи репрессий контрразведки в сельской местности, в которой проживало большинство населения махновского Вольного района. Таким образом, относительно общей массы населения грабежи были незначительными.

ВРСовет всячески пытался поддерживать дисциплину в армии, для чего были введены наказания властью командира за малые преступления, а за серьезные – «суды чести», когда открытое собрание части выносило наказание. Так в сентябре 1919 г. были расстреляны 4 повстанца из 7-го Таврического полка за самочинный обыск и грабеж крестьянина. Известен даже случай, когда за подобные злоупотребления был наказан махновский командир. Так 14 октября расстреляли начштаба 2-й бригады Богданова, который в захваченных махновцами Никополе и Александровске в своих личных интересах накладывал контрибуцию на буржуазию. Правопорядок же в тылу обеспечивала только контрразведка и, вероятно, за редким исключением, военная полиция махновцев. Но ни один из контрразведчиков за грабежи наказан не был.

Поэтому, когда приговор гражданского отдела 2 ноября 1919 г. был вынесен на рассмотрение александровского съезда, отдельной резолюцией № 3 он постановил выделить из среды ВРСовета специальную комиссию по контрразведке, дополнив ее представителями от рабочих и крестьянских организаций. Правда, на комиссию были возложены неполномочные и расплывчатые функции: «разъяснения и улаживания всякого рода нареканий и недоразумений между населением и повстанцами, с одной стороны, контрразведывательными органами, с другой». Тем не менее, комиссия должна была внести больше гласности и публичности в деятельность контрразведки, что уже естественным образом ограничило бы ее произвол. Жестким критиком контрразведки и осенью 1919 г. и позже в эмиграции выступал глава этой комиссии и председатель ВРСовета В. Волин. В своих показаниях ревтрибуналу 14-й армии он сообщал, что к нему приходили целые вереницы жалобщиков по поводу злоупотреблений контрразведки, и последняя для него была ужасом.

Да и сам Махно вспоминал, что контрразведке в освобожденных районах были даны практически неограниченные полномочия. В частности, на обыски любых домов в зоне военного положения или арест любых людей, особенно, если на них указывало население. Батяка признавался, что за некоторые действия контрразведки ему приходилось «болеть душой, краснеть, извиняться перед оскорбленными». С другой стороны, Махно не поддерживал и категоричной критики Волина. По словам батяки, Волин сам неоднократно обращался в контрразведку за помощью. Так в Екатеринославе он с большевиком Орловым просили мандат на обыск и конфискацию в пользу комитета КП(б)У имущества одного анархиста, перебежавшего к Деникину. А во время поездки Волина с лекцией в Кривой Рог (где он был арестован красными) осенью 1919 г. его сопровождали лично Голик и отряд из 20 лучших сотрудников контрразведки.

Но, несмотря на все попытки общественного контроля, особенно в периоды военных неудач, махновская контрразведка возвращалась к безмотивному террору. Так во время отступления 1-го Донецкого корпуса из Александровска 3-4 ноября 1919 г., Махно дал контрразведке список из 80 александровских «тузов», среди которых были меньшевики, народники и «некоторые правоэсеровские цекисты». «Тузов» ожидала ликвидация в рамках черного террора. В городе оставалась корпусная контрразведка, которой руководил Зиньковский и городская самооборона в подчинении коменданта города. Последний также имел «свой штатный отряд военной полиции махновцев, учрежденной командованием для поддержания порядка и дисциплины в местах расположения войск».

И все же в махновщине даже сам батька не мог единолично выносить такие смертные приговоры. Руководившие обороной города комкор 1-го Донецкого Калашников и его заместитель, начальник обороны города Каретников обратились за подтверждением приговора к начштаба армии Белашу. Все арестованные были пропущены через заседание, устроенное в контрразведке. Как оценил приказ Махно сам Белаш, «Это был бы безмотивный террор, исполнение которого не исправляет существующего положения: армия отступает, город обречен на сдачу. Такой массовый террор, естественно, взволновал бы народ, а, в конце концов, мы бы имели со стороны деникинцев встречный, белый террор над рабочими» . В итоге допроса все «тузы» были отпущены, под честное слово не участвовать в белом движении и не помогать ему материально. Расчет Белаша оказался верным: ни один из рабочих не был расстрелян деникинцами.

Кроме того, незначительность «черного террора» махновцев можно понять только в сравнении. Вот что говорят цифры. После взятия Екатеринослава, следственные органы деникинцев смогли обнаружить лишь 70 тел жертв «внесудебных органов» махновцев . Увы, нет данных по жертвам черного террора во всем Вольном районе осени 1919 г. Но я абсолютно уверен, что эти цифры не могли бы даже приблизиться к числу жертв белого и красного террора. Например, количество жертв белого террора в период мятежа в Ярославле июля 1918 г. подходит к 200 , а в Финляндии, где белое движение победило, - к 8400 чел. Число же жертв красного террора в одном «освобожденном» Крыму оценивается в 100-150 тыс. В первую же ночь из пулеметов было расстреляно: в Симферополе – 1800 чел., в Керчи – 1300, в Феодосии – 420. В одном Севастополе ЧК в общем расстреляла до 29 тыс. чел.

Наконец, уровень свободы в махновском районе легко понять на примере прессы. После повторного взятия Екатеринослава 11 ноября 1919 г., по обычной махновской практике в городе была объявлена свобода слова. В числе прочей прессы вышел и № 131 газеты «Звезда» Екатеринославского губкома КП(б)У, резко критиковавший махновщину. Номер увидел Махно и в ярости собирался приказать Голику или Зиньковскому схватить и расстрелять авторов статей и всю редакцию. Штарм с трудом его отговорил . Но этот случай показывает не диктаторство батьки, а как раз наоборот. Надо учитывать, что уже к 18 октября в Повстармии сформировалось ядро большевистского заговора. Причем, Белаш прямо пишет, что батька хотел закрыть «Звезду» именно в результате заговора красного подполья . И, вот, при столь серьезной угрозе, Махно все-таки удержался от репрессий против их газеты. А махновские патрули не трогали распространителей красной прессы .

* * *

ЗАГОВОР ПОЛОНСКОГО

По Волину, в занимаемых махновцами районах «Немедленно провозглашалась полная свобода слова, печати, собраний и объединений – для всех» (имелись в виду левые партии). Вместе с тем, Махно предупредил социалистов, и александровский ревком персонально, что за создание органов власти будет расстреливать . То же указал командир 13-го полка Лашкевич членам ревкома Екатеринослава . В рамках этих позиций и сложился крупнейший в истории махновщины «заговор Полонского». Следствие по заговору вела военно-полевая контрразведка. Однако заговорщиков арестовали и расстреливали Лепетченко и Василевский, - представители личной контрразведки Махно, курировавшие ее гражданские карательные действия. Наконец, с этим заговором связан наиболее громкий скандал вокруг контрразведки, в результате приведший к передаче ее карательных функций Комиссии антимяхновских дел. Поэтому считаю вполне логичным рассматривать «заговор Полонского» в контексте гражданской деятельности контрразведки.

После разгрома Повстармией деникинского тыла, одной из главных опасностей для махновщины стало большевистское полу-подполье. Хотя большевистские организации наравне с другими левыми партиями были разрешены в районе действия РПАУ(м), кроме официальной деятельности они продолжали подпольную работу. Как заметил В. Голованов, «Махно не избавился от подполья: оно точило его армию денно и ночью, готовя ее раскол и переход наиболее боеспособных частей к красным». Еще в Александровске, когда только готовился 4-й повстанческий съезд, прошло заседание полулегального комитета КП(б)У. В нем участвовал и, прибывший на съезд, командир 3-го Крымского полка (бывший полк РККА, на момент раскрытия заговора, - Стальной кавалерийский полк) М. Полонский, впоследствии глава заговора, часть которого должна была стать ударной силой переворота.

Полонский частично снабдил заговорщиков деньгами. Мало того, на финансовое обеспечение заговора члены губкома Гришута и Миркин должны были взять заем у александровской буржуазии. На заседании было решено подпольно мобилизовать рабочие отряды, которые должны были идти на соединение с полком Полонского. Стальной полк входил в состав 2-го Азовского корпуса и базировался в Никополе. Именно этот город планировалось сделать центром мятежа и захватить его до подхода красных войск. Адъютант Полонского Семенченко даже посылался для установления связи в Москву с сообщением о готовящемся мятеже и предложением координации действий. Согласно докладу Полонского на этом заседании, подполье активно продвигало членов КП(б)У на командные должности в махновской армии.

Так на александровском съезде губкому удалось ввести в состав ВРСовета своего члена П. Новицкого, который, правда, был вынужден «тщательно умалчивать о своих убеждениях». К 18 октября 1919 г. вокруг Полонского уже сплотилась группа заговорщиков, занимавших ответственные посты в Повстармии. Сразу после занятия махновцами Екатеринослава, большевики организовали подпольный ревком во главе с Павловым, руководивший агитацией в городе и разложением его махновского гарнизона – 13-го Крымского полка Лашкевича. Вербовка шла в основном среди бывших красноармейских подразделений, примкнувших к Повстармии, у которых махновским штармом была оставлена внутренняя организация и комсостав. Так были завербованы полковая пулеметная команда и английская батарея.

Также шла работа по созданию подпольных ячеек для переворота и в других, чисто махновских частях. Для этого в частности губком мобилизовал коммунистов, освобожденных махновцами из екатеринославской тюрьмы. В итоге комячейки расплодились почти по всем частям, кроме пулеметного полка Кожина и кавполков Щуся, а так же контрразведки. По инструкции губкома, каждая ячейка должна была быть в курсе всех административных, оперативных и хозяйственных распоряжений, чтобы в нужный момент принять руководство своей частью. По данным губкома, в 26 махновских полках преобладало стремление присоединиться к РККА и даже симпатии к большевистской власти. Что, вероятно, сильно преувеличено. Но все же угроза была велика. По Мирошевскому, «был создан нелегальный армейский комитет, на-строенный весьма агрессивно по отношению к «батьке» и неоднократно добивавшийся у губкомпарта разрешения произвести военный переворот».

В заговоре состояли такие кадры, как бывшие инспектор РККА и председатель ревтрибунала. Сам Полонский в ноябре был назначен начальником боевого участка 2-й линии фронта Никопольского направления, а коммунист Н. Бродский – начальником Никопольского гарнизона. Но в конце месяца за большевистскую пропаганду они были отстранены и уехали в Екатеринослав под предлогом болезни. После сдачи Александровска, большая часть заговорщиков ушла вслед за Махно в Екатеринослав. Заговорщики действовали по всем правилам конспирации и понимали, что столь масштабные приготовления нельзя скрыть

совсем. Поэтому контрразведке была подсунута легенда, что их целью было лишь предотвращение столкновения РПАУ(м) с РККА, для чего и создавались комячейки в частях. Они якобы должны пропагандировали идею примирения махновцев с красноармейцами.

Любопытно также, что среди александровской части заговорщиков был некто А. Орлов, после расстрелянный в Харькове, как белогвардейский провокатор. Этот факт не исключает предположения, что к разжиганию заговора могла иметь отношение и деникинская контрразведка. Косвенно это подтверждают и данные Волковинского, что деникинцы знали о поддержке коммунистов частью Повстармии, которая только ждет момента, чтобы перейти в РККА. И в этом контексте может показаться не столь уж нелепым заявление Махно на заседании штаба, что Полонский был уличен в связи с белыми. По словам же Коневца, Махно после раскрытия заговора обвинил Полонского в прямой измене, - выдаче пропуска слащевским частям.

Несмотря на всю конспирацию, подробности большевистского заговора сразу становились известны штабу махновцев. Завербованный заговорщиками помощник командира Стального полка Огарков тут же пошел с повинной в штаб и полтора месяца был его глазами в самом сердце заговора. По свидетельству Огаркова целью приезда Полонского в Екатеринослав было отравление самого Махно, а так же подкуп врачей, которые должны были потравить больных махновских командиров. В конце ноября – начале декабря 1919 г. в Повстармии бушевала сильнейшая эпидемия тифа, скосившая около 35 тыс. повстанцев. Поэтому, когда идет речь о больных командирах, надо понимать, что речь шла о массовом отравлении махновского комсостава. Примечательно, что в это же время «махновский собес» оказывал материальную помощь семьям бойцов РККА, бившимся на севере с Деникиным. Чисто большевистская благодарность.

Штаб сначала даже не поверил в возможность переворота и назначил расследование. Его невероятность Белаш иллюстрирует процентным составом Повстармии, в которой насчитывалось лишь 10% бывших красноармейцев и только 1% коммунистов-большевиков. Возможным объяснением неведения штаба может служить то, что центр заговора Никополь был одновременно и центром тифозной эпидемии. Огромное количество махновцев тяжело болело, по улицам валялись трупы, а груды тел на кладбище не успевали хоронить. Естественно и бдительность базировавшейся тут контрразведки 2-го корпуса во главе с Голиком и повстанческий дух здесь были сильно подорваны, что способствовало развитию мятежа. Более бдительным оказался командир 13-го полка бывший коммунист Лашкевич, который требовал удаления комячеек из своей части. Однако ВРСовет это запретил, вероятно, во избежание обвинений в ущемлении объявленных политических свобод.

Когда же информация подтвердилась, в среду заговорщиков был внедрен агент контрразведки. На 2 декабря 1919 г. в Екатеринославе было назначено большое армейское совещание махновских командиров, на котором должен был присутствовать и Полонский. В тот же день перед совещанием прошло заседание заговорщиков губкома, но которое явился некий представитель ЦК КП(б)У Захаров. Он был якобы направлен ЦК для руководства вооруженными отрядами в деникинском тылу, в доказательство чего предъявил «чрезвычайно большие мандаты на холсте». Захаров был введен губкомом в курс всех дел. Белаш сообщает, что этому агенту давал задание лично Голик. Представляется, что такой прямой характер поручения был связан не только с важностью вопроса, но и с опасением утечки информации.

По данным Захарова, заседание постановило ликвидировать Махно и высших командиров Повстармии. Для этого их планировалось пригласить тем же вечером, после совещания в квартиру Полонского на именины его жены Татьяны и угостить отравленным коньяком.

Лично травить батьку должна была именинница, по профессии актриса. По окончании совещания уже за полночь, Полонский пригласил Махно, часть командиров и членов ВРСовета на именины и ушел готовиться к приему гостей. Однако вместо них на квартиру нагрянула группа контрразведчиков во главе с Каретниковым. Ими были арестованы Полонский с женой и еще трое заговорщиков. Позже в засаду на квартире попали еще четверо, а возле дома был арестован десяток коммунистов группы поддержки.

У второй группы заговорщиков были изъяты бумаги губкома, обличавшие заговор. Посланные на анализ вино и коньяк обнаружили следы сильного яда. По версии же Волковинского, Махно с командирами все же пришли к Полонскому. Блюда на его столе были отравлены стрехнином и первым попробовал еду Чубенко. Почуввав неладное он дал сигнал Махно и командирам. Об этом докладывал Зиньковский 3 декабря на заседании ВРСовета. Контрразведка быстро провела следствие и вынесла смертный приговор четверым лидерам заговора. Приговор был утвержден командирами 1-го Донецкого и 3-го Екатеринославского корпусов. Протокол контрразведки датирован 4 часами дня того же 2 декабря. В то же время, по Белашу, все четверо были казнены Лепетченко, Василевским и Каретниковым по дороге в контрразведку на берегу Днепра.

У Белаша трудно понять, производилось ли следствие прямо на квартире Полонского, и там же был вынесен приговор или заговорщиков в порыве гнева казнили по пути конвоирования в контрразведку, а своим протоколом эта служба лишь заметала следы. Склоняюсь ко второму варианту, так как и следствие и экспертиза спиртного вряд ли могли происходить все в квартире заговорщиков. По Коневцу же, Полонский был убит один и уже в час ночи, то есть сразу же после захвата. Его специально вывели на расстрел и убили на набережной. А по Мирошевскому все вообще были расстреляны только 5 декабря. Однако мемуарам коммунистов трудно доверять из-за огромного количества идеологически выдержанного «фактажа». Например, что заговорщиков расстрелял некто «Мишка Левчик», - профессиональный налетчик, начальник махновской контрразведки.

Оставшиеся на свободе члены губкома опасались налета контрразведки и на свою штаб-квартиру, поэтому наутро перешли на нелегальное положение. Армейские же коммунисты потребовали открытого суда над заговорщиками. Их поддержали набатовцы Аршинов, Волин, Алий, Чубенко. Однако гуляйпольская часть штарма настаивала на том, что заговорщиками занимается военное командование и требовала немедленного расстрела. Махно же был вызван на отчет перед ВРСоветом за несанкционированный расстрел. Но батька ответил, что всякий заговорщик сейчас работает на Деникина и пригрозил членам Совета маузером. В ответ председатель ВРСовета Волин обозвал его «Бонапартом и пьяницей». Реакцией ВРСовета было создание следственной комиссии в составе Волина, Уралова и Белаша. А по словам Четолина, губком в отместку подготовил протесты рабочих, но ему помешали белые, выбив Махно из города.

Казнь заговорщиков привела к ухудшению отношений Махно не только с армейскими коммунистами, но и с анархистами. По разграничению полномочий батька не имел права расстреливать коммунистов без санкции Гуляйпольского союза анархистов. Именно это ему ставил в вину ВРСовет, а не естественную для военного времени казнь заговорщиков. Для меня же главным выводом из скандала с заговором является характерная для махновской политической системы терпимость к инакомыслию. Ни губком, ни тем более рядовые коммунисты не преследовались по подозрениям в заговоре, а их газета «Звезда» продолжала легально выходить. Для большевиков в аналогичной ситуации это было бы просто немислимо. Для махновцев же принципы свободы слова и организации были важнее эмоций относительно заговора.

* * *

КОМИССИЯ АНТИМАХНОВСКИХ ДЕЛ

С начала 1920 г. тиф, усталость от тяжелых боев с деникинцами, а так же предательские удары наступавшей с севера РККА окончательно приговорили Вольный район. 11 января на общем собрании комсостава, штарма и ВРСвета было решено дать повстанцам месячный отпуск. Фактически это означало распад армии. Но, как только предательски задуманная большевиками Повстармия в конце весны – начале лета 1920 г. начала возрождаться, естественной реакцией повстанцев стало отмщение. Его усугубили продразверстка и красный террор против махновцев и их семей. В результате в махновской армии снова расцвел черный террор против коммунистов, чекистов, милиции, продагентов, председателей исполкомов, комнезамов, профсоюзов, кооперативов и прочих хозяйственных организаций. Происходили самосуды повстанцев либо видимость правосудия создавали приговоры командиров частей.

Совершенная летом 1920 г. реорганизация системы управления возрождавшейся Повстармией поставила контрразведку в подчинение оперативному отделу СРПУ(м). В то же время, контрразведка была лишена судебных и карательных функций, которые перешли к Комиссии антимяхновских дел (КАД), подчинявшейся организационному отделу. Другими словами, гражданский отдел контрразведки был упразднен и его функции, взывавшие наибольшие нарекания на контрразведку в целом, были переданы КАД. СРПУ(м) не забыл произвол помощников батьки, связанный с казнью Полонского, и комиссия была создана для изъятия судебной функции у командиров и «особенно, от окружения Махно». КАД была создана на заседании 9 июля 1920 г. в с. Времьевке, во время перевыборов Совета.

Примечательно, что в своем выступлении на заседании начштарма Белаш критиковал командиров за то, что они не разбираются в изменившейся ситуации и наряду с председателями «властнических» организаций убивают и лидеров таких народных организаций, как профсоюзы и кооперативы, без разбору, как обыкновенные бандиты. Белаш возмущался, мол, если в 1919 г. контрразведке были переданы и судебные функции, то с ее реорганизацией и превращением в исключительно разведывательный орган, право карать присвоил себе каждый командир и даже повстанец. Указывал, что такая практика стала доходной статьей для уголовных элементов, прибавившихся к движению. Резолюция по созданию КАД была принята единогласно. Председателем был избран Н. Зуйченко, - анархист с 1906 г., начинавший борьбу еще в «Союзе бедных хлеборобов». Члены комиссии – Г. Кузьменко, Василенко, Чайковский.

Суду комиссии подлежали, как пленные бойцы и командиры красной и белой армий, петлюровских формирований, так и командиры и повстанцы войск СРПУ(м). По Теперу, КАД была создана в результате давления Барона, Суховольского и Белаша. Были определены следующие задачи КАД: «по справедливости вести дела следствия и карать лиц другого лагеря, то есть антимяхновцев». По Теперу же, КАД была наделена правом, без разбора дела выносить приговоры чекистам, продагентам, заведующим совхозами и колхозами. Из коммунистов же тем, «кто с оружием или словесно выступал против Махновщины». Характерно, что сначала КАД была организована при культпросвете, - структуре махновской организации, выполнявшей идеологические просветительские функции и состоявшей исключительно из теоретически подкованных анархистов, отчетливо представлявших, каким должно быть свободное анархическое общество и его правосудие.

С этого времени КАД заменила гражданский отдел махновской контрразведки, упоминания о котором фактически отсутствуют с начала 1920 г. Первыми осужденными КАД стали

террористы ЧК Глушенко и Костюхин, которые были направлены в Повстармию для ликвидации Махно. По приговору комиссии их расстреляли 21 июня 1920 г. Далее КАД упоминается у Белаша лишь несколько раз. Так в конце июля 1920 г. комиссия приговорила петлюровский повстанческий отряд к разоружению, а его командира Левченко, - к расстрелу за антисемитизм и погромы. КАД приговаривала к расстрелу и всех бойцов продотрядов. Например, в сентябре 1920 г. в районе ст. Миллерово комиссия осудила бойцов прославившегося своей жесткостью продотряда. Среди приговоренных был юный М. Шолохов. Только личное заступничество Махно позволило ему избежать смерти. Как сказал батька, «пусть подрастет и осознает, что делает. А нет, в другой раз повесим».

КАД осуждала на расстрел всех плененных белых офицеров, как это показывалось на примере разбитого десанта Назарова, чей рядовой состав был включен в Повстармию. После Старобельского советско-махновского соглашения сентября 1920 г. штаб Махно разослал приказ всем махновским отрядам на Украине прекратить боевые действия против РККА и идти на соединение со штабром. Этот приказ произвел раскол в рядах махновщины. Многие местные отряды отказались его выполнять, и продолжали борьбу с большевиками. Началось дезертирство из ядра Повстармии, - Особой группы войск СРПУ(м). Так 8-й пехотный полк хотел уйти на Полтавщину. Но его командир, старый повстанец Матяж был схвачен и расстрелян 16 октября по приговору КАД. Уже в период операции в Северной Таврии второй половины октября 1920 г. Повстармия вливалась в свои ряды «бело-махновские» части, создававшиеся при Русской армии из повстанцев, обманутых пропагандой о союзе Махно с Врангелем. Часть раскаявшихся их командиров Совет оставлял руководить частями. А Яценко и Савченко, выпустившие воззвания в поддержку Врангеля, были расстреляны по приговору КАД.

Уже под конец Крымской операции в середине ноября 1920 г. большевики начали искать предлог для разрыва соглашения с махновцами. Так по Старобельскому соглашению п.2.п.2 махновцам запрещалась принимать в свои ряды красноармейцев или дезертиров РККА. И красное командование заостряло внимание на малейших нарушениях этого пункта. Чтобы не дать повода к разрыву соглашения, КАД приговаривала повстанцев к расстрелу даже за незначительные нарушения. Так комроты отряда Чалого был расстрелян за то, что переманил к себе взвод красноармейцев с 2 пулеметами. Чуть позже, когда большевики уже готовились вероломно напасть на махновцев, были схвачены и 26 ноября по приговору комиссии расстреляны 7 террористов ЧК, присланные в Гуляйполе для ликвидации Махно и штаброма.

Тем не менее, уже после разрыва соглашения, комиссия не озлобилась, а попадавших к ней административных лиц (председателей исполкомов, членов Советов, милиционеров, членов комнезамов) зачастую отпускала по мотивам «службы в силу необходимости». В основном это практиковалось в «антибольшевистских» областях. Например, на Херсонщине и Киевщине, хоть население и вынуждено было принимать участие в советском строительстве, руководители учреждений продолжали помогать махновцам. На расследования в КАД штабром передавал и дела не связанные с политической борьбой. Так в феврале 1921 г. под Курском в г. Короча командир Крымского кавполка Харлашка вместе с Савоновым ограбили церковь. Узнав, что преступление расследует КАД, они не стали дожидаться приговора, подняли полк и ушли с ним в Изюмский уезд.

* * *

ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ

Если карательную деятельность гражданской контрразведки можно интерпретировать, как пятно на махновском движении, то работа военного отдела можно уверенно считать одним из

ярчайших талантов анархического повстанчества. Разведка была увлечением самого Махно. Он переодевался бабой и ходил, луща семечки под носом у белых, изображал торговца на базаре или нищего, а один раз даже представлял невесту на венчании в церкви. В этих похождениях батька сам испытал эффективность разведки и ее незаменимость для ведения партизанской войны. Естественно, и служба военной контрразведки в махновской армии была поставлена великолепно.

Даже в сентябре 1919 г. под Уманью, в период максимального удаления от Вольного района и угрозы полного уничтожения РПАУ(м) деникинцами, агентурная сеть контрразведки исправно работала далеко в деникинском тылу и поддерживала связь с ядром Повстармии. Перед решающим сражением под Перегоновкой 26 сентября 1919 г. Махно стало известно о вакуумообразном состоянии деникинского тыла именно от разведки. Тогда в штабм вернулась агентура и доложила, что регулярных деникинских частей нет до самого Никополя. Эти данные и определили решение штабма прорываться назад в Левобережье. И позднее по пути наступления махновских корпусов контрразведчики высылались далеко вперед и докладывали: по направлению на Александровск, Пятихатки и Екатеринослав противник не обнаружен. И далее: в Никополе безвластие, в Кривом Роге 25-50 чел. госстражи, в Херсоне 100-150 офицеров. Над Днепром от Никополя до Херсона войск никаких.

В период исторического разгрома махновцами деникинского тыла октября 1919 г. одной из блестящих операций контрразведки стало обеспечение захвата Бердянска. По Герасименко, участь города предрешила организованное Махно выступление рыбаков пригородного поселка Лиски, которые ночью захватили деникинскую батарею, чьими орудиями махновцы затем обстреливали город. Разумеется, организовывал выступление рыбаков не Махно лично, а махновская контрразведка. И, напротив, когда 4 ноября 1919 г. Повстармия отступала из Александровска, батька приказал Зиньковскому найти 20 – 30 бочек спирта и бросить их посередине одного из сел. Расчет оказался верным: спирт задержал погоню «шкурцовцев» на несколько часов. Тогда же контрразведка занималась распространением слухов. Во время отступления под натиском конницы Шкуро, даже в захваченные деникинцами села проникали махновские разведчики и подбадривали крестьян, мол, Махно недалеко и скоро снова отвоюет эти места. Такая тактика приводила к постоянным восстаниям в тылу у белых, что серьезно тормозило их наступление.

В пик махновского движения осени 1919 г. подпольные осведомительные узлы контрразведки находились во всех городах, поселках и крупных селах юга и востока Украины. Узлы располагались обычно в артелях, гостиницах, приезжих домах, столовых, ресторанах, у сапожников или портных и везде, где часто встречались военные. Агентура разведки в тылу врага располагалась на заводах, фабриках, рудниках. Оттуда в штабм махновцев поступали сведения о состоянии тыла и настроениях рабочих. Агентурная сеть контрразведки была раскинута от Одессы до Новороссийска, и сообщала о передвижении белых частей. Основные явки контрразведки располагались в Одессе, Херсоне, Николаеве, Полтаве, Юзовке, Таганроге, Ростове-на-Дону, Ейске, Севастополе, Харькове, Черкассах, Киеве. Руководство военным отделом контрразведки в тылу противника осуществлял оперативный отдел штабма.

По Белашу, махновские агенты служили в Добровольческой армии Деникина. Савченко уточняет, что агентура контрразведки работала практически во всех частях противника, начиная от роты и кончая штабом. Большая часть финансирования контрразведки шла на подполье в белом и красном тылу, подкуп вражеских военных специалистов, создание боевых групп в Москве, Варшаве, Сибири. Между тем, служба в разведывательной агентуре за линией фронта была настолько тяжелой, что ее иногда использовали, как вид исправительных работ для провинившихся махновцев. Так одним из распространенных

видов тяжелой службу, к которым приговаривал суд или командир за малые проступки осенью 1919 г. был перевод на службу в тыл врага . Белаш так же указывает, что имели место и провалы агентуры, после которых приходилось ее восстанавливать.

Параллельно с основной работой контрразведка осуществляла связь между разрозненными частями Повстармии, поддерживала контакты махновщины с секретариатом Конфедерации «Набат» в Харькове . На военную контрразведку были также возложены функции распространения махновской прессы и анархической литературы во вражеском тылу . В ноябре-декабре 1919 г. Повстармию поразила страшная эпидемия тифа. Для спасения армии, аппарат контрразведки в деникинском тылу производил интенсивные закупки медикаментов. В частности, в Севастополе, Симферополе, Ялте, Феодосии, Керчи, Новороссийске, Ростове, Таганроге, Одессе, Николаеве, Херсоне, Харькове . Наконец, в начале декабря 1919 г. Белаш посылал в Москву связного – контрразведчика Мишу, чтобы он поведал большевистскому руководству об успехах махновцев в борьбе с Деникиным .

Повествуя о засылке террористов ЧК с целью ликвидации Махно летом 1920 г., Белаш настаивал, мол, махновцы по идейным соображениям отвергали подобные теракты против лидеров противника. «Мы же пробовали свободную трибуну, а не активность в убийстве из-за угла ответственных работников; поэтому вызов не приняли, хотя такие предложения были» . Однако писал он это в СССР, под надзором ГПУ и вынужден был вносить поправки. Поэтому, скажем, и сцена с отрядом Никифоровой в июне 1919 г. у него описана так, словно Махно и не при чем. Между тем относительно осени 1919 г., Белаш прямо говорит, что делом военного отдела была «большая разведывательная, террористическая и экспроприаторская работа» . Другими словами, махновская агентура проводила теракты как минимум против деникинских офицеров и чиновников.

Так одна из групп террористов контрразведки 14 сентября 1919 г. совершила налет на ст. Пятихатки, расстреляла на вокзале и в проходившем поезде «Александровск - Екатеринослав» всех офицеров и «буржуев» . Аналогично и Мирошевский применительно к сентябрю 1919 г. вспоминал о целом ряде вооруженных нападений повстанцев на воинские поезда и крупнейшие железнодорожные станции . Экспроприаторская же работа означала налеты на банки с целью добычи средств на обеспечение Повстармии. Так параллельно с официальным изъятием денег из банков в Вольном районе, «подпольные эксаторы» махновской контрразведки проводили налеты на банки в деникинском тылу: Ростове, Таганроге и Мелитополе .

После распада Повстармии в январе 1920 г. красные заняли Никополь и назначили комендантом некоего П. Лебеду, который со своей командой начал расстрелы махновских командиров и разогнал махновскую контрразведку 2-го Азовского корпуса. Однако ее начальнику Голику удалось спастись. Всю зиму-весну 1920 г. он вместе со штабом скрывался в подполье в Гуляйполе. По дневнику Голика, весь январь армейская разведка не переставала действовать даже при ядре Повстармии, от которого осталось 30 чел. В частности, через уцелевших сотрудников контрразведки поддерживали связь между остатками махновских групп и частей. Так 16 февраля 1920 г. к скрывавшемуся в подполье штабному прибыл разведчик 4-го Крымского корпуса и рассказал о судьбе его распада . Разведка прокладывала пути прохода среди многочисленных частей РККА, производивших зачистку в махновском районе, помогала махновцам избегать открытых столкновений с превосходящими силами противника.

Агентура же выискивала и объекты для нападения: например, 18 февраля был обнаружен на ст. Пологи отдел снабжения 42-й дивизии. Отбили 10 пулеметов и уничтожили 12 орудий (сняли замки) . А 21 февраля разведали наличие в Гуляйполе обоза с армейской кассой. Было

захвачено 2 млн., которые были розданы жалованием повстанцам . Другими словами, возрождение РПАУ(м), громкие налеты и победы, привлекавшие повстанцев назад в ее ряды, ее снабжение были бы немислимы без контрразведки. Кроме того, контрразведка продолжала карать за преступления самих махновцев. Так согласно дневнику Голика, в селе Б. Янисоль скрывался бывший начальник гарнизона Екатеринослава Лашкевич, который прокутил 5,5 млн. руб. контрибуции, собранной для армейской казны. Голик пишет «Было совещание командиров, которое вынесло Лашкевичу смертный приговор. Мои ребята постановление привели в исполнение» . Из этих строк видно, что при Голике была некая группа «мои ребята», вероятнее всего, контрразведчики. Скорей всего из их же числа был и «агент», который 8 мая прибыл от Махно к новоспассовской группе Белаша .

Темой, требующей отдельного исследования, является поединок махновской контрразведки с ВЧК. Здесь я лишь вскользь коснусь ее наиболее ярких эпизодов. Еще весной 1918 г. комсомолец М. Спектор получил задание Николаевской ЧК внедриться в конфедерацию «Набат». В «Набате» и махновщине он был известен под именем М. Бойченко. Кроме него в группу чекистов в махновщине входили матрос И. Лобода, солдат В. Найденов, работавший в махновском штабе. В числе прочего, эта группа зачисляла в свои заслуги провокацию ссоры Махно с Григорьевым . 20 июня 1920 г. во время стоянки махновской Особой группы войск СРПУ(м) в с. Туркеновка были арестованы два красных террориста: бывший контрразведчик Повстармии Ф. Глущенко и профессиональный уголовник Я. Костюхин. Их задачей было убийство Махно. Срыв покушения стал возможен благодаря добровольной сдаче Глущенко.

Для усмирения тыла Юго-Западного фронта в начале мая 1920 г. начтыла был назначен сам Дзержинский. С его появлением связано начало террора ЧК в Украине по уничтожению махновцев, анархистов и «эксистов» - налетчиков. В частности, Глущенко и Костюхин оказались членами «Особой ударной группы ЧК по борьбе с бандитизмом», которой руководил Мартынов, участник штурма дачи МОАП в Красково. По Аршинову, в группу набирались не чекисты, а... анархисты и уголовники, приговоренные к высшей мере. «Сотрудниками в эту группу вербуются исключительно бывшие налетчики, присужденные к расстрелу, которые за сохранение им жизни обязуются быть сотрудниками Че-ка... Их связь с анархистским миром имела отношение больше всего к боевым делам» . Тем не менее, кроме налетчиков, в рядах Особой ударной Аршинов называл и анархистов: П. Сидорова, Т. Петракова, Е. Ермакову, Чалдона и Бурцева, харьковского анархо-индивидуалиста «Николая высокого».

«Зная многие адреса и подпольные квартиры со времен деникинщины, они врывались в квартиры и устраивали форменные погромы... все известные им анархисты, так или иначе враждебно настроенные по отношению к большевистской власти, арестовывались ими и расстреливались» . Примечательно, что по Кубанину, Чалдон прибыл в махновщину вместе с группой Черняка , то есть мог быть махновским контрразведчиком. Костюхин участвовал в операциях Особой ударной в Харькове, Екатеринославе и Одессе. На дознании выяснилось, что план покушения на Махно разрабатывался лично начальником Всеукраинской ЧК Манцевым, Мартыновым и Глущенко. В задачи Костюхина и Глущенко входила так же вербовка Зиньковского . 21 июня оба террориста были расстреляны по приговору КАД.

В июне же 1920 г., Махно пытался перенести партизанскую борьбу в тыл Русской армии Врангеля, захватившей Северную Таврию. Дзержинский указывал на недопустимость для красных такого ухода, опасаясь соединения махновцев с белыми. Из воспоминаний Белаша можно понять, что строго засекреченное место перехода махновского авангарда через линию фронта было доложено в ЧК ее информаторами в махновщине, - И. Гордеевым и М. Бойченко . В результате 24 июня авангард наскочил на засаду 520-го, 521-го и 522-го пехотных полков и был практически уничтожен. От 2 тыс. конницы осталось лишь

300 всадников да 200 спешенных. Раненный в том бою Махно обвинил в провале операции Зиньковского. По Спектору он кричал: «Какая к черту разведка! Почему не предупредил!

Постреляю!..» . Рейды Повстармии лета 1920 г. ознаменовались ожесточением советско-махновской борьбы. Так 13 июля Чаплинская группа войск ВОХР разгромила махновскую группу Клейна. Причем чаплинцы тут же расстреляли 2 тыс. (!) плененных махновцев . Красные проводили так же массовые репрессии в отношении мирного населения, - «пособников махновщины». Из крестьян «махновских» сел брались заложники, население высылалось в Сибирь. О последнем свидетельствуют требования махновской делегации в Харькове, уже осенью 1920 г. На основе политической части соглашения с Соввластью, делегация определила число лиц, сосланных большевиками и подлежащих возвращению (в основном крестьян) - свыше 200 тыс. (!) чел . Естественно, подобные действия вызывали ответный всплеск черного террора со стороны махновцев. Так уже 15 июля Клейн в отместку налетел на Гришино и уничтожил все советские организации.

И согласно Белашу, второй рейд по Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерниям «знаменовался разрушением государственного аппарата и террором административных лиц (предревкомы, милиция, председателей комнезамов, ЧК, карательных отрядов и т. п.)» . Контрразведчики «зачищали» занимаемые махновцами города и села от советских и партийных работников. Как это было, например, в Изюме . Правда, в результате реорганизации Повстармии, все приговоры проходили через КАД. Если общей задачей рейдов лета 1920 г. был подъем крестьянского движения вне махновского района, то занятие городов на этом пути преследовало цели пополнения казны и захвата трофеев, которые повстанцы раздавали крестьянам. Последнее было некой мезьей крестьянства за усиление продразверстки. Когда, например, в районе Луганска на села в течение одной недели налетали продотряды от РККА и трудовой армии, профсоюзов металлистов, горняков, совслужащих, губкома и ревкома, от заводов и продкомов .

Агентура контрразведки во время рейдов лета-осени 1920 г. выясняла наличие снаряжения или денег в том или ином городе. Таким образом, занятие городов махновцами было не произвольным, а с целью пополнения снабжения и казны Повстармии. Так, например, агентура выяснила наличие в банке Старобельска 22 млн. рублей. 3 сентября город был взят, получены большие трофеи, а деньги были выплачены жалованием повстанцам. Расстреляно 22 партийных и советских работника . Объектами махновских захватов так же были сахарные заводы, например, Циглеровский, Венгерский и Глебенский . И позже, зимой 1920 – 1921 гг. повстанцами в Украине было взято 18 заводов и реквизировано 17 тыс. пудов сахара . Дефицитный сахар, как валюта использовался для оплаты крестьянам за снабжение и коней.

Одной из блестящих, но практически не исследованных страниц работы контрразведки СРПУ(м) явилась ее операция в махновских частях Русской армии Врангеля (условно, - «бело-махновцев»). Как известно, с конца весны 1920 г. врангелевское командование пыталось заручиться поддержкой Махно перед своим наступлением из Крыма, а белая пропаганда пустила миф о том, что союз этот уже состоялся. Кто из повстанцев по наивности клюнул на эту «утку», кому она была просто удобна. Но в итоге при Русской армии стали формироваться вспомогательные части им. Махно. Например, 1-я Повстанческая дивизия Володина, полки, бригады и отряды Чалого, Ищенко, Яценко, Савченко, Гришина, Прочана, Самко, Хмары, Голика. Официально штаб и Махно лично гневно отвергали предложения Врангеля и своих бывших командиров присоединиться к Русской армии, а белых парламентариев расстреливали.

Но махновская контрразведка, несомненно, вела работу в рядах бело-махновцев, о чем говорит следующая фраза Белаша. «Штаб отдал и этим отрядам распоряжение (Володину,

Прочану, Савченко, Ищенко, Самко, Чалому, Яценко) о прекращении военных действий против Красной Армии, обращая их внимание на наш союз и выступление на Врангеля. Помню, я писал, чтобы они временно не порывали «миролюбивой» связи с Врангелем, а готовились ударить ему в тыл, как только будет приказано Советом». Причем, распоряжения эти повезла секретная агентура. Данный приказ относится к началу октября 1920 г. и наглядно демонстрирует результаты заключительного этапа работы контрразведки в «махновских» вспомогательных частях Врангеля.

Вероятно, на момент данного распоряжения штаб уже полностью рассматривал бело-махновские части, как свою «пятую колонну» в тылу Врангеля. О чем свидетельствуют слова Белаша: «Советское правительство подтвердило наличие наших (курсов мой – В.А.) формирований в тылу Врангеля, при «благоклонном» его участии». Разумеется, речь идет о «благоклонном» участии Врангеля в формировании, вооружении и снабжении этих частей. Для махновцев, постоянно испытывавших острый дефицит боеприпасов и снаряжения, это была настолько ценная находка, что естественно напрашивается мысль о преднамеренной операции штаба по возрождению (после распада Повстармии зимой 1919 – 1920 гг.) и оснащению своих частей за счет противника. Отказываюсь от этой логичной версии лишь из-за отсутствия на сегодня ее доказательной базы.

Но даже, если придерживаться взгляда, что бело-махновцы не были заранее задуманным планом штаба, надо согласиться, что превращению этих обманом созданных отрядов в «наши формирования» СРПУ(м) предшествовала достаточно долгая работа махновской контрразведки в их рядах. В результате этой работы бело-махновцы (во всяком случае, часть этих отрядов) стали беспрекословно выполнять распоряжения штаба. Что, в частности, доказывают действия дивизии Володина под Каховкой. После 8 октября Врангель создает здесь ударный кулак из Кубанской дивизии Бабиева, конного корпуса Барбовича, двух гвардейских пехотных дивизий и конной дивизии им. Батько Махно (Володина). Кулак ударил по Никополю и Хортице с целью отрезать Каховский плацдарм красных и выйти на соединение с польской армией.

В случае успеха этой операции большевики, несомненно, снова были бы изгнаны из Украины. Однако наступление белых захлебнулось в результате «противо-врангелевских действий» Володина. Получив распоряжение штаба, он со своей дивизией всего в 800 сабель снялся с фронта и, по пути на Никополь и Александровск, стал громить тылы наступающей группы, убивать офицеров. Его целью было уничтожение штаба 1-й армии ген. Кутепова. На володинцев были брошены войска, их разоружили, а самого Володина расстреляли 25 октября в Мелитополе. Без сомнений, такие убийственные приказы могли исполняться только при условии полного подчинения бело-махновцев штабу Повстармии, обеспечить которое могла только агентура контрразведки.

И уже в начале махновской операции против Врангеля в Северной Таврии, штаб получал от бело-махновских частей не только данные о тылах противника, но и прямую помощь по проникновению за линию фронта. Например, командир 10-й бригады им. батьки Махно Чалый, по распоряжению штаба, в середине октября 1920 г. перешел линию фронта и прибыл в Повстармию. В результате бригада Чалого пропустила через фронт и вывела в тыл Дроздовской дивизии махновскую конницу Марченко и группу Петренко. Общим результатом работы контрразведки по превращению бело-махновцев в «пятую колонну» СРПУ(м) стал прорыв двух махновских групп Петренко и Забудько в тыл Донской армии на участке бело-махновцев. В результате этой операции, Донская армия оказалась отрезанной от основных сил Врангеля и начала паническое отступление.

Причем, целью этого рейда махновских групп было не столько выполнение фантастического

приказа Фрунзе захватить перекопские перешейки. По Верстюку главной задачей был отрыв от войск противника повстанческих отрядов Володина, Чалого, Яценко, Савченко, Самко, Ищенко, Голика . Можно констатировать, что, в меру сил соблюдая союзнические обязательства, махновцы в рейде по Северной Таврии делали упор на завершение игры контрразведки. А именно, - усиление Повстармии бело-махновцами. А это были серьезные силы. В резерве Донской армии стояли отряд Самка – 400 штыков, бригада Ищенко – 700, полк Голика – 200. В резерве 1-й армии Кутепова: бригада Чалого – 1000 штыков, бригада Яценко – 500, бригада Савченка – 500 и 200 сабель . Итого 3300 штыков и 200 сабель – стараниями контрразведки наступающая Повстармия получила новую, прекрасно вооруженную бригаду.

Перспективным для дальнейшего исследования является и факт участия Зиньковского во врангелевском походе Крымской группы Каретникова на должности коменданта. С группой же ушел на Крым и Голик, - начальник военно-полевой контрразведки. Согласно доступным мне материалам махновщины, эти повстанцы занимались в основном контрразведкой. Разве что Зиньковский в последний период движения 1921 г. возглавил личную охрану батьки, что, однако, не снимало с него и контрразведывательных функций. Такое участие в крымском походе главных контрразведчиков, возможно, со своими сотрудниками, может рассматриваться как еще одно, косвенное свидетельство контактов контрразведки с бело-махновскими частями и агентурой в Крыму. Наконец, такой сложной и рискованной операции махновцев, как форсирование Сиваша 8 ноября 1920 г., должна была предшествовать тщательная разведка, в частности, переправ . Выше описанной ликвидацией террористов Мартынова в июле 1920 г. столкновения Повстармии с Особой ударной группой ВЧК не закончились. Уже после Крымской операции и разгрома Врангеля большевиками стали готовить разрыв Старобельского соглашения. В процессе подготовки нападения красных на Гуляйполе в ноябре 1920 г. в Вольный район из Харькова был направлен целый отряд из 40 мартыновцев с задачей разложения махновщины, а в случае неудачи, ликвидации ее руководства. В само Гуляйполе прибыло 10 мартыновцев под видом анархистов-универсалистов с заданием ликвидировать руководство СРПУ(м). Однако уже из Харькова в их составе прибыли и внедренные агенты махновской контрразведки во главе с бывшим адъютантом Чередняка, Мирским. Благодаря его секретным сводкам, штаб с самого начала чекистской операции знал обо всех планах мартыновцев.

Согласно Аршинову, за несколько дней до нападения красных на махновцев, 23 ноября 1920 г. махновская контрразведка схватила 9 агентов 42-й дивизии, которые должны были установить места проживания батьки, членов штаба и СРПУ(м), видных махновских командиров, чтобы затем сдать их захватившим Гуляйполе красным войскам . По Белашу же, когда 24 ноября 1920 г. террористы ЧК пришли с бомбами на квартиру Махно, где собрались отметить некий праздник, они были тут же схвачены. По приговору КАД семеро из них были расстреляны. Кроме того, именно благодаря информации Мирского о готовящемся общем нападении красных на махновцев и, в частности, 42-й дивизии на Гуляйполе , штаб не оказался застигнутым врасплох. Таким образом, только благодаря контрразведке ядро махновского движения избежало разгрома еще осенью 1920 г. А из информации Белаша о прибытии махновских контрразведчиков вместе с мартыновцами прямо из Харькова, можно заключить, что военная разведка стала готовить ответ Особой ударной непосредственно после попытки покушения на Махно. И, даже в условиях соглашения с красными (или незадолго до этого) в секретный отряд ВЧК по борьбе с бандитизмом предусмотрительно были внедрены махновские контрразведчики. Или, как возможный вариант, - перевербованы анархисты, составлявшие костяк Особой ударной.

В конце ноября 1920 г. на ликвидацию махновского повстанчества большевиками было брошено 2/3 войск, участвовавших в Крымской операции, до 58 тыс. бойцов 2-х конных и 3-х

пехотных армий. Вольный район был буквально наводнен красными частями. Поэтому Повстанческая армия разделилась на несколько групп и отрядов, которые свободно уходили от преследователей и громили их порознь, наводя суеверный страх на красноармейцев. Операция проходила на огромном пространстве от Екатеринослава до Бердянска и Мариуполя. И, по словам ее участника красного командира М. Рыбакова, залогом побед и свободы маневра махновцев было искусство контрразведки.

«Шпионы и разведчики повстанцев-махновцев были в каждом селе, в каждом хуторе, шныряли всюду и везде – то под видом нищих, то красноармейцев, ищущих свои части, или рабочих, с шахт, покупающих на уголь хлеб, то раскаявшихся дезертиров, даже бывших коммунистов, обиженных женщин – вдов и сирот, ищущих «защиты и правого суда» и т.п.» . Аналогично действовала агентура контрразведки и в 1921 г. Согласно показаниям помощника начальника армейской контрразведки СРПУ(м) Н. Воробьева: «Для связи же отдельных групп с главным штабом банды служат женщины и мальчишки-контрразведчики 14-15 лет, в обыкновенной крестьянской одежде. С документами за печатью волисполкома других губерний. С большим успехом контрразведывательную службу несли старики-оборванцы, разыгрывающие роль странников» .

Его дополняет Герасименко касательно октября 1919 г.: у с. Ходунцы казаки 2-й Терской дивизии захватили обоз махновцев, в котором находились 400 (!) женщин, служивших в военной контрразведке . Или эпизод февраля 1921 г. с 20-летней красавицей Оксаной, которая в одном из сел устроила концерт для бойцов Интернациональной кавбригады. Затем она помчалась в соседнее село предупредить махновцев о красной коннице. Оксана была поймана, отпущена за недосказанностью, и снова взята в плен во время боя, среди девичьего расчета пулеметной тачанки, прикрывавшей отход махновцев. На суде ревтрибунала расчет рассказывал о своей службе в отряде Маруси (Никифоровой? – В.А.). Приговор встретили равнодушно .

Благодаря такой агентуре махновский штаб располагал точными данными не только о расположении красных частей, их численности и передвижении, но о моральной атмосфере в том или ином соединении и даже качествах их командиров. По словам участника операций против Махно П. Ашахманова, махновская разведка работала настолько проникновенно, что махновцам были известны даже грамотность и боевые качества некоего комбрига, называвшего 3-х верстовую карту 3-х дюймовкой . С помощью разведки Махно так же мог дезинформировать противника о своих намерениях. Так в письме к Аршинову он вспоминает обычный прием, когда в марте 1921 г. с помощью разведки махновцы заставили одну из частей РККА сутки стоять развернутым фронтом в ожидании боя, пока сама Повстанческая армия совершила бросок на 60 верст .

Результаты действий махновской разведки красноречиво показал легендарный разгром Киргизской бригады 3 декабря 1920 г. в с. Комарь. По Рыбакову, махновские разведчики ночевали в Комаре вместе с Кирбригадой, ночью с возами выехали из села и предупредили свои части, находившиеся в Богатыре. В результате ураганного обстрела и атаки махновцев, бригада была уничтожена в 30 минут. А подоспевший красный батальон лишь встретил горстку «очумелых джигитов, от которых не мог добиться никакого толку, кроме слов «масса Махно», которая изрубила всю бригаду» . Такие, обеспеченные профессиональной разведкой акции приводили к полнейшей деморализации соседних красных частей, и максимально поднимали боевой дух самих махновцев. Вернувшиеся из плена киргизы рассказывали, что махновцы находятся в превосходном настроении. Это в тисках такой-то большевистской махины! В данный период контрразведка подчинялась оперативному отделу СРПУ(м), который состоял из 2 чел. - руководителей махновщины, - самого батьки и Белаша. Основываясь на агентурных данных контрразведки, отдел разрабатывал тактические

операции армии. Причем Белаш отмечает особую независимость отдела от Совета, что он проводил операции самостоятельно, не вынося их планы на пленум СРПУ(м), но лишь передавая планы штарму. Эту автономность, вероятно, можно объяснить соображениями секретности ввиду активизации с 1920 г. агентуры ЧК в махновщине. Во время же боев ведение операций возлагалось на уполномоченного Совета, который их проводил на свой страх и риск. Соответственно, он и осуществлял общее руководство контрразведкой. В основном это был сам Махно, иногда его заменяли Белаш или Петренко.

Кроме военной контрразведки при штаме была своя полевая конная разведка, несшая службу по главным магистралям, откуда ожидалось наступление красных. Удаляясь на 10 – 15 верст, она собирала сведения у местных крестьян. В походе конная разведка шла авангардом, причем высылала 1/8 своего состава еще дальше, в качестве передовых и боковых дозоров. Во время столкновений полевая разведка и контрразведка в бой не вступали, а вели разведывательную службу, направленную на защиту тыла и флангов обоза, отдельные группы высылались на дальние горизонты. Разведка же, совместно с квартирными, обеспечивала снабжение армии по пути рейдов. Они высылались в села по пути движения и, к моменту подхода основных сил, их уже ждали тачанки со свежими лошадьми, продовольствием, фуражом. Таким образом, замена конского депо и пополнение снабжения могли происходить без остановки движения. Разведка обеспечивала не только неуловимость, но и бесперывность движения Повстармии.

В период рассеивания махновских сил конца 1920 – 1921 гг., когда Повстармия была поделена на множество автономных отрядов и мелких групп, связь между ними так же осуществлялась посредством разведывательной агентуры. Так же и с красными частями, которые собирались переходить к Махно. Так, например, в начале декабря 1920 г. агенты прибыли от комбрига 1-й Конной Маслакова и сообщили, что тот готов к переходу со своей бригадой, но ждет удобного момента. А пока агитирует командиров соседних дивизий. Разведчики, посланные в 30-ю дивизию, докладывали, что в ней произошла чистка симпатизировавшего комсостава, и ее переход к махновцам отпадает. Агенты же, посланные для связи во 2-ю Конную армию Миронова, на связь не выходили. Вероятно, были раскрыты и уничтожены.

В период последнего затишья марта-апреля 1921 г. повстанцам помогали враждебные до этого немцы-колонисты. Озлобленные репрессиями Соввласти, они предоставили свои колонии для махновского подполья, сами производили разведку и сообщали в штам о передвижении красных войск. Тогда же начштаба РККА докладывал, что разведка повстанцев проникает «во все поры военного организма». Но, даже из подполья, штам СРПУ(м) с помощью контрразведки руководил операциями распыленных повстанческих единиц. Наконец, последней акцией контрразведки СРПУ(м) можно считать действия Зиньковского по организации ухода махновского отряда за границу в августе 1921 г. У переправы через Днестр Зиньковский с 20 повстанцами, переоделись в красноармейскую форму и, под видом карательного отряда приблизились к отряду пограничников. Усыпив их бдительность фразой «Это вы вызывали нас на помощь? Где махновцы? Пора кончать!», махновцы их обезоружили и переправились в Румынию.

* * *

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До самой гибели махновского движения агентурная сеть повстанцев не являлась отдельными явками контрразведчиков, а опиралась на систему подпольных махновских организаций, местных партизанских отрядов, пунктов сбора продовольствия, пополнения и сменного

конского депо. Это была мощная корневая система движения. Даже после ухода Махно за границу, она не была раскрыта чекистами и еще долгие годы служила для связи бывших махновцев. По данным Дубовика, махновское повстанчество в виде вооруженной борьбы просуществовало в Украине до середины 1920-х гг. Позже подпольные группы бывших махновцев возникали в Гуляйполе, Днепропетровске, Одессе, Мариуполе и др. вплоть до 1938 г. Тогда была разгромлена группа, значившаяся в НКВД под сомнительным именем «Гуляйпольский военно-махновский контрреволюционный повстанческий полк». Ее название отдает ложью «великого террора».

С 1925 г. активизировался, созданный ранее Зиньковским, махновский Закардонный центр в Бухаресте, сам батька стал готовить поход в Украину. А перешедшие румынскую границу и сдавшиеся в 1924 г. Зиньковский и его брат Д. Задов-Зотов были к тому времени амнистированы. Зиньковского привлекли к работе иностранного отдела Одесского ОГПУ. Официально он и брат, переведенный в Тирасполь, работали по агентуре в Румынии, используя для этого проживавших там махновцев и сам Закардонный центр. Отличились, имели награды ГПУ-НКВД. Но, когда в 1935 г. вся агентура рухнула, и началось расследование, оно показало, что реальной целью возвращения братьев было создание махновского подпольного центра в Одессе. Согласно показаниям бывшего махновца И. Чуприны, Задовы «по заданию Махно проникли в ГПУ, чтобы формировать подпольные махновские отряды на Украине».

По материалам дела 1937 г., Зиньковский специально проник в чекистские структуры, чтобы с их помощью обеспечить возвращение махновцев из Румынии, и их легализацию в Украине. Показания Белаша говорят, что Зиньковский перетягивал к себе старых махновцев, оказавшихся по амнистии на свободе. Подпольная махновская организация в Одессе была связующим звеном между Закардонным центром и бывшими махновцами в Гуляйполе. Мало того, в самом Одесском районе планировалось создать несколько махновских отрядов, так как здесь проживало до тысячи бывших повстанцев. Даже после смерти Махно в 1934 г. Зиньковский продолжал получать задания из Закардонного центра. Когда в августе 1937 г. одесская махновская организация была раскрыта, в ней состояло 90 чел. Кроме Чуприны и Белаша, показания на Зиньковского дали и другие махновцы: бывший председатель КАД Н. Зуйченко, Е. Бойченко и П. Каретников.

Зиньковский, естественно, отрицал свою вину. Но, в отличие от них, не спасал шкуру, «закладывая» бывших сослуживцев. Хотя, как начальник контрразведки, наверняка знал о них достаточно. Помня ложь «великого террора», можно верить, что Зиньковский пал невинной жертвой сталинских репрессий. Его сыну Вадиму, ветерану ВС СССР, чья родная сестра в 1942 г. погибла за «советскую родину», психологически было необходимо в это верить, когда в 1990 г. он получил уведомление о реабилитации отца. Но, с другой стороны, была и тысяча махновцев в Одесском районе, и тесные связи с Закардонным центром. И с кем «Лёва» играл честно, а кого использовал, как прикрытие, - еще не доказано. Поэтому равнозначно можно верить, что Зиньковский до конца своих дней оставался анархистом, как заявлял он на допросе, «в силу политических убеждений». Лев Зиньковский был расстрелян 25 сентября 1938 г. в подвале Киевского НКВД и закопан где-то в Быковке – одном из кварталов Дарницкого лесопаркового хозяйства.

Практически никто из видных махновских контрразведчиков не пережил своего товарища. Как и не предал своего дела. Вот лишь о некоторых из них. Где-то под Уманью, вероятнее всего, 26 сентября 1919 г. в битве под Перегоновкой, фактически предрешившей судьбу белого движения, в составе «черной сотни» Махно, погиб Исидор Лютый. Окруженные чекистами на даче в Красково 5 ноября 1919 г., Яков Глазгон, вместе с пятью последними членами МОАП, взорвали себя с лабораторией бомб. После распада Повстармии вследствие

тифа и предательства РККА, 19 января 1920 г. в Гуляйполе 42-я дивизия расстреливала тифозных махновцев. Среди казненных был контрразведчик «черной сотни» Александр Лепетченко. Вырвавшаяся с боями в Таврию Крымская группа 31 ноября 1920 г. у г. Орехов попала в новый котел превосходящих сил красных. Во время боя погиб от инфаркта начальник полевой контрразведки Лев Голик. В первых числах января 1921 г. в рубке с 8-й дивизией Червонных казаков погиб контрразведчик «черной сотни» и один из председателей КАД Григорий Василевский.

Из этой верности не выбивается и чуть ли не единственный предатель из рядов махновской контрразведки Федор Глущенко. Схваченный чекистами, он согласился работать в Особой ударной группе ВЧК лишь для того, чтобы предупредить Махно о готовящемся покушении. Прибыв в Туркеновку, Глущенко сразу сдал себя и напарника Костюхина. Причем, перед их расстрелом Костюхин площадно ругал Глущенко, что тот сам привел его сюда и выдал. По иронии судьбы из первых лиц контрразведки в живых остался лишь ее вдохновитель Макс Черняк (Чередняк). Возглавив в июне 1919 г. сибирскую группу отряда Никифоровой, он каким-то образом спасся. Позже всплыл за границей. Еще в 1924 г. он из Варшавы поддерживал связи с остатками харьковской группы «Набата». Причем, выполняя функции курьера, неоднократно переправлялся в СССР. По справке Белаша, на 1930 г. был еще жив.

Наибольшее количество упоминаний о махновской контрразведке и ее терроре приходится на осень 1919 г., - пик махновской федерации Вольных Советов и время охвата ею наибольшей территории. Естественно, в тылу Добровольческой армии, на военном положении, контрразведка развилась в довольно грозный репрессивный аппарат, который ВРСовету было сложно контролировать. Однако отсюда можно сделать и обратный вывод: основную часть времени существования махновского движения контрразведка была меньше, пропорционально контролируемой территории. Ее функции больше сводились к собственно разведке и борьбе с вражеской агентурой, а меньше – к репрессиям черного террора. Наконец, она больше поддавалась контролю главного выборного органа махновщины.

В истории махновской контрразведки мы сталкиваемся со сложным вопросом отношения анархистов к спецслужбам и карательным органам. Наиболее свободолюбивая идеология, принципиальный враг всякого принуждения, анархизм всегда был непримирим к подобным структурам своего главного противника – государства. Между тем, любая действующая организация анархистов вынуждена использовать орудия и механизмы «старого общества», чтобы проложить людям путь в безвластное будущее. Вынуждена по той простой причине, что других действенных механизмов просто нет. И главный вопрос здесь в том, смогут ли анархисты контролировать это орудие или переродятся под его влиянием и породят в итоге еще одно государство, разве что под черными флагами. Этот вопрос в полной мере касается и одного из крупнейших анархических движений в истории человечества, - махновщины.

История махновской контрразведки показывает все ловушки и соблазны власти, ожидающие человеческую слабость в процессе использования столь опасного орудия. Но и стойкость, и волю людей, нашедших в себе силы осознавать и сопротивляться угрозам своего перерождения в заурядных палачей государственной охранки. Я далек от мысли идеализировать и даже оправдывать карательную политику анархистов времен Гражданской войны. Но надо помнить и Волина: «махновщина - явление громадного размаха, величия и значения, развернувшееся с исключительной силой, ... выдержавшее титаническую борьбу со всеми видами реакции». И понимать, что без контрразведки эта борьба была бы проиграна много раньше. А сама махновщина могла бы вообще не успеть развернуться во всей своей мощи и явить миру свои вершины освобождающегося от власти человеческого духа.

И еще одно важное замечание. Анархистов чаще всего изображают в двух образах. Либо как

оторванного от жизни романтика-идеалиста, - неопытного юнца и маразматического старца. Либо как дегенерата-преступника, физически неспособного жить в «нормальном обществе». Государству, а с его подачи и конформистским согражданам удобно воспринимать людей, отстаивающих принципиально иную социальную организацию, как ненормальных. Махновская контрразведка, уникальный орган защиты ростков альтернативного будущего, как никакая другая анархическая структура показывает насколько адекватными, трезвыми, хладнокровными и изобретательными могут быть люди, верные анархической идее. Земля им пухом и вечная память.

сентябрь-октябрь 2007 г.